

Фредерик Марриет

Приключение собаки

Фредерик Марриет

Приключение собаки

«Public Domain»

1837

Марриет Ф.

Приключение собаки / Ф. Марриет — «Public Domain», 1837

«Это было в январе 1699 г. Окрашенное черной краской одномачтовое судно проходило в виду берегов близ Бичи-Хэд (Beachy Head) с быстротой не более пяти миль в час. Оно шло под малыми парусами, так как с севера дул довольно свежий ветер. Солнце светило вовсю, но не грело. Верхи рей и стеньг и малокалиберные старые орудия, расставленные на палубе, были покрыты белым налетом инея. Человек у руля, закутанный в широкую теплую куртку и громадные безобразные шерстяные рукавицы, делавшие руки его более похожими по своим размерам на ноги или же на медвежьи лапы, казалось, застыл на месте. Сизо-красный нос, походивший на пуговицу, седые, развевавшиеся по ветру жидкие кудри и лицо, обезображенное громадною жвачкой табаку за щекой, было совершенно неподвижно, и только глаза, перебежавшие от компаса к носу корабля и обратно, показывали, что человек этот не спит...»

Содержание

Глава I. Читатель знакомится с некоторыми действующими лицами	5
Глава II. Что случилось с ржавой селедкой	8
Глава III. Взгляд назад и знакомство с новой личностью	11
Глава IV. Отчаянная схватка	14
Глава V. Совещание, похожее на заговор	16
Глава VI. Друзья принимают друг друга за врагов	19
Глава VII. Ванслиперкен отправляется на берег свататься ко вдове Вандерслуш	21
Глава VIII. Козни вдовы против Ванслиперкена и Костлявого против его собаки	23
Глава IX. Жалобы, сожаления, песни и пляска	26
Глава X. Что такое килеванье, и как Снарлейиоу спас Костлявого от потопления, несмотря на то, что Костлявый хотел утопить его	29
Глава XI. Снарлейиоу не содействует видам своего господина на вдову Вандерслуш	33
Глава XII. Повсюду принимаются решения, а Джемми Декса обвиняют в бунте	35
Глава XIII. Весь экипаж поет хором, а капрал поневоле отправляется в одинокое плавание	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фредерик Марриет

Приключение собаки

Глава I. Читатель знакомится с некоторыми действующими лицами

Это было в январе 1699 г. Окрашенное черной краской одномачтовое судно проходило в виду берегов близ Бичи-Хэд (Beachy Head) с быстротой не более пяти миль в час. Оно шло под малыми парусами, так как с севера дул довольно свежий ветер. Солнце светило вовсю, но не грело. Верхний рей и стены и малокалиберные старые орудия, расставленные на палубе, были покрыты белым налетом инея. Человек у руля, закутанный в широкую теплую куртку и громадные безобразные шерстяные рукавицы, делавшие руки его более похожими по своим размерам на ноги или же на медвежьи лапы, казалось, застыл на месте. Сизо-красный нос, походивший на пуговицу, седые, развевавшиеся по ветру жидкие кудри и лицо, обезображенное громадной жвачкой табаку за щекой, было совершенно неподвижно, и только глаза, перебегавшие от компаса к носу корабля и обратно, показывали, что человек этот не спит. Эта невзрачная личность был старый Обадиа Кобль, старший офицер и в то же время штурман судна. Весь экипаж куттера, на котором развевался военный флаг его британского величества, короля Вильяма III, обязанный охранять интерес его величества и препятствовать контрабандному ввозу в Англию модных товаров и люстринов, под чем разумелись тогда всякого рода модные ткани и французские изделия, находился в данный момент внизу, за завтраком, в полном своем составе, за исключением только штурмана и лейтенанта, командовавшего этим судном; последний прохаживался по палубе, засунув руки в карманы по самые локти.

Лейтенант Корнелиус Ванслиперкен, очень высокий и тощий господин, с чрезвычайно узкими плечами и маленькой головой на длинной, тонкой шее, походил на палку с толстым набалдашником, каким представлялась широкополая треугольная шляпа. Длинное, худое желтое лицо, со впалыми щеками и носом, выдававшим сильную склонность встретиться с острым подбородком, придавало г-ну Ванслиперкену сходство с попугаем, причем и нос, и подбородок, по-видимому, ужасно скорбели о том, что между ними лежит такая пропасть, как длинная и узкая щель рта. На носу даже висела слезинка. Весь костюм командира судна был скрыт под длинным, широким прямым пальто. Единственным являлся большой рупор, торчавший у него из-под левой мышки, почти под прямым углом.

Как уже сказано выше, г. Ванслиперкен прохаживался по палубе своего судна. Шесть шагов разделяли гак-борт от носовой части куттера, и долговязый командир принужден был поворачиваться чуть не каждую минуту. Кроме мистера Ванслиперкена и его штурмана, на палубе находилось еще одно живое существо, игравшее здесь далеко не маловажную роль, так как для командира это было все на свете; это был второй Ванслиперкен, только четвероногий; он и есть главный герой этого рассказа. Это была самая скверная, самая безобразная собака, какая когда-либо существовала: грязно-желтой масти, с бельмом на одном глазу, с далеко выдвинутой вперед нижней челюстью, свидетельствующей о том, что бульдог принимал несомненное участие в ее происхождении на свет, этот пес, хотя и несколько больше пойнтера и крепко сложенный, смотрел тощим и тщедушным. Ни хвост, ни уши у него не были обрублены, о чем только оставалось пожалеть, так как чем больше его урезать со всех концов, тем лучше было бы, тем более, что его уши, хотя и не обрубленные, были разорваны на клочки в многочисленных схватках с другими собаками на берегу, чем он был обязан всецело своему сварливому и трусливому нраву; хвост же, совершенно лишенный благодаря какой-то накожной

болезни всяких признаков шерсти, скорее походил на хвост крысы, чем собаки. Вследствие той же накожной болезни многие места на теле были также лишены шерсти и покрыты струпами и болячками. Собака эта ходила, низко опустив голову и поджав хвост, так что казалось, будто она защемила его между ног. Одним словом, всякий посторонний человек при виде этой собаки невольно спрашивал себя, что могло заставить держать у себя подобного пса; те же, кто хоть сколько-нибудь успевал ознакомиться с внутренними достоинствами этого четвероногого чудовища, не могли надивиться, почему его давным-давно не придушили или не повесили.

Пес этот следовал шаг за шагом за своим господином и, подобно ему, как будто не замечал холода и, казалось, был так же озабочен, как его господин. Звали его Снарлейиоу.

Долго прохаживался мистер Ванслиперкен в сопровождении своей собаки молча, с мрачным, сосредоточенным видом, наконец, не выдержал:

– Я не могу, не хочу выносить этого долее – гневно пробормотал он, шагая быстрее. Собака, услышав голос своего господина, насторожила уши и также ускорила шаг. – Она дурачит меня уже целые шесть лет! – При этом мистер Ванслиперкен сжал свои тонкие губы. Снарлейиоу сейчас же последовал его примеру.

– Я во что бы то ни стало добыю от нее ответа! – продолжал он после некоторого перерыва и вдруг остановился; собака тоже остановилась и смотрела ему в глаза. Но в этот момент мысли лейтенанта Ванслиперкена приняли вдруг совершенно иное направление: он вспомнил, что еще не завтракал сегодня.

Перегнувшись через решетку люка, он достал свой рупор и крикнул вниз:

– Передайте там, что я зову Костлявого! Снарлейиоу поддержал своего господина громким «вау! вау! вау!», раздавшимся по всему судну.

Минуту спустя наверху появился Костлявый, вынырнув, точно привиденье, из люка. Худой, тощий юноша лет двадцати или около того, с бледным, мертвенного цвета лицом, скуластый, с впалыми щеками, выпученными глазами и жидкими мочального цвета волосами. Его можно было принять за воплощенный голод, чему немало способствовало и его одеяние. Тощие костлявые ноги его были так далеко просунуты в короткие брюки, что почти до колен торчали наружу, ничем не прикрытые и не обутые. Рукава его куртки были настолько коротки, что оставляли руки обнаженными почти до локтя. Шапки на нем не было вовсе. Большие торчащие в стороны уши были красны от холода. Голова, казалось, едва держалась на непомерно длинной шее. Высунувшись из люка, этот жалкий субъект стоял неподвижно, приложив правую руку к своим волосам вместо отсутствующей фуражки, в другой же держа зажатую в кулак ржавую, красную селедку.

– Живо! – обратился к нему лейтенант с намерением отдать какое-то приказание, но в этот момент внимание его было привлечено селедкой, почуяв запах которой, Снарлейиоу стал громко тянуть в себя воздух и, высоко задрав голову, измышлял способ овладеть ею. – Как вы осмелились явиться на палубу королевского куттера с ржавой селедкой в кулаке? – гневно воскликнул Ванслиперкен.

– Бога ради, сэр... если бы я ее оставил внизу, когда шел сюда, то, вернувшись, уже не нашел бы на прежнем месте!

– Какое мне до этого дело, сэр? Это противно всем правилам службы! Слышите?

– Ах, Господи, сэр!.. Простите меня на этот раз, ведь я простой солдат!.. – взмолился дрожащим голосом Костлявый. Но запах селедки раздражил аппетит Снарлейиоу, и, поднявшись незаметно на задние лапы, он выхватил этот лакомый кусок из рук Костлявого и опрометью кинулся с ним к шкафуту. Долговязый парень настиг собаку как раз в тот момент, когда она, положив селедку на пол, готовилась приступить к вкусному завтраку. Завязалась борьба; Костлявый получил сильный укус в ногу и в ответ съездил собаке случившейся под рукой палкой по голове. Будь удар удачен, он, вероятно, положил бы конец всем дальнейшим пакостям

этого пса, но, благодаря неловкости Костлявого, удар пришелся по передней лапе собаке, которая с визгом убралась на бак и оттуда принялась лаять самым вызывающим образом.

Костлявый подобрал с полу селедку и, задрав штаны, осмотрел свою рану, послав по адресу злого пса такого рода пожелание: «Чтоб тебе околеть с голода, как околеваю я!» С этими словами он повернулся, чтобы идти вниз, но наткнулся на тощую фигуру лейтенанта Ванслиперкена, который, засунув руки в карманы своего пальто, с рупором под мышкой, грозно загородил ему дорогу.

– Как ты смеешь бить мою собаку, негодяй?! – воскликнул лейтенант, трясаясь от злости.

– Да ведь она прокусила мне ногу насквозь, сэр! – ответил Костлявый с испуганным лицом.

– Так отчего у вас, сэр, такие тонкие ноги?

– Оттого, что меня ничем не кормят, и что мне не из чего нагулять тела!

– Ничем не кормят? А что это у вас, сэр, в руках? Ах ты, селедочный обжора! Ты не расстаешься со своей селедкой даже тогда, когда являешься на палубу королевского судна, вопреки всем предписаниям и требованиям военной службы! За это я намерен...

– Да это не моя селедка, – протестовал Костлявый, – это ваша, сэр: вы должны получить ее на завтрак! Это последняя, оставшаяся из полдюжины!

Это последнее замечание как будто несколько смягчило лейтенанта.

– Отправьтесь сейчас же вниз, сэр, и доложите мне, когда мой завтрак будет готов!

Костлявый не заставил повторять себе это приказание, и счастливый тем, что так легко отделался, исчез в люке с быстротой марионетки.

– Ах, Снарлейиоу, Снарлейиоу! – сказал лейтенант, неодобрительно качая головой. – Поди сюда, сударь, сейчас же поди сюда!

Но Снарлейиоу, ужасно раздраженный тем, что остался без селедки, упорно не трогался с места и смотрел в глаза своему господину не совсем дружелюбным взглядом, а немного погодя взвыл и опрометью кинулся вниз. Лейтенант вернулся на свою верхнюю палубу и снова принялся расхаживать взад и вперед в ожидании своего завтрака.

Глава II. Что случилось с ржавой селедкой

Вскоре Костлявый явился доложить, что завтрак ожидает мистера Ванслиперкена, а так как тот давно ожидал этого, то не замедлил тотчас же спуститься вниз. Едва только он скрылся, наверху появилась новая личность, явившаяся сменить шкипера у рулевого колеса. Как только последний передал управление рулем вновь пришедшему, то стал согреваться общепринятым способом, размахивая вокруг себя руками и похлопывая себя то спереди, то сзади.

– Наш командир опять уже не в своей тарелке сегодня! – заметил Обадиа. – Я слышал, как он бормотал что-то про эту женщину в Луст-Хаузе¹.

– Так, клянусь Богом, сегодня быть грозе! – отозвался Янсен, рослый голландец, старый и опытный моряк, казавшийся еще более громадным и громоздким от множества теплых шарфов и курток, которыми он был окутан.

Да, да, имя фрау Вандерслуш всегда вызывает бурю! Пойду-ка я да позавтракаю, а то еще засвежеет до полудня, чего доброго!

– Мейн Гот, дат ис ди тифель²!

– Держите все на северо-восток, да смотрите, зорко глядите, не появятся ли где лодки!

– Эх, черт возьми! Да как же я могу и судном править, и за лодками наблюдать?! Это же невозможно!

– Это до меня не касается, как вы с этим управитесь. Таковы распоряжения, и я вам передаю их дословно. А ваше дело осуществить невозможное, как знаете! – с этими словами Обадиа Кобль отправился вниз.

Мы также последуем его примеру и войдем в каюту лейтенанта Ванслиперкена, не отличающуюся особенно изящным убранством. Стол, стул, шкаф с открытыми полками для посуды, и другой, тщательно замкнутый шкаф, где хранились документы и другое ценное имущество лейтенанта. На столе перед хозяином каюты стояла большая белая каменная чашка, до половины наполненная дымящейся кашей из овсяной крупы. Это был казенный паек из общего артельного котла, отпускаемый на командира и его слугу. Пока мистер Ванслиперкен старательно студил свою кашу, Снарлейиоу сидел с ним бок о бок, ожидая своей порции, а Костлявый стоял у стенки в ожидании приказаний командира.

– Принеси мне селедку, Костлявый, я закушу!

– Селедку, сэр? – с тревогой в голосе повторил Костлявый. – Селедки нет!..

– Нет?! Где же она? Куда она могла деваться?

– Ах, Бога ради, сэр!.. Я не думал, что вы будете кушать после собаки... и потому, сэр, потому я...

– И потому ты что? – загремел лейтенант.

– И я съел ее сам!.. Бога ради, простите, сэр!.. Ах, Господи! Господи! – лепетал несчастный.

– Ты съел?! Ах, ты жадный воришка, ненасытное твое чрево! Да как ты смел это сделать! Понимаешь ли ты, что это воровство! А за воровство, знаешь, какое следует наказание?

– Ах, сэр! Это было по ошибке, сэр... этого никогда больше не случится! – плаксиво умолял Костлявый.

– Первым долгом я прикажу отодрать тебя кошкой так, чтобы твоя шкура болталась кло-чьями, воровской кошкой с тремя узлами на каждом хвосте, слышишь, негодяй?

Костлявый в отчаянии воздевал к потолку свои тощие руки и со слезами молил о пощаде.

¹ Lust-Haus – увеселительное заведение, род харчевни или трактира

² Mein Got, dat is de tyfel, т. е. Боже мой, да ведь это черт.

– А после порки, – продолжал неумолимый Ванслиперкен, – тебя еще выкупают под килем³!

– Боже мой! Боже мой! – вопил Костлявый, падая на колени. – Смилуйтесь, сэр! Смилуйтесь!

Но Снарлейиоу, как только увидел, что бедняга упал на колени, с бешенством накинулся на него и стал теревить его за спину и ворчать, поглядывая исподтишка на своего господина.

– Сюда, Снарлейиоу! Сюда, сударь! Лежи смирно! – сказал лейтенант Ванслиперкен; но злопамятный пес не забыл ржавой селедки и в отмщение сперва пребольно укусил Костлявого в бедро и только тогда послушно исполнил приказание своего господина.

– Встаньте, сэр! – приказал лейтенант своему слуге.

Костлявый поднялся с колен, но вместе с тем в нем поднялось и гневное чувство против своего господина и его ненавистного пса.

Трясаясь от бешенства, с разгоревшимися глазами, он крикнул громко и грозно, несмотря на то, что слезы еще катились у него по лицу.

– Я этого не снесу! Я выброшусь за борт, но сносить этого долее не хочу! Этот проклятый пес пятнадцать раз укусил меня за одну эту неделю! Да я лучше умру сразу, чем буду служить мясом на съедение этого пса!

– Молчи, негодяй! – прикрикнул на него Ванслиперкен. – Не то я прикажу заковать тебя в кандалы и бросить в трюм!

– Я буду очень доволен, кандалы не кусаются. Да, я сбегу отсюда! Путь меня повесят, мне что смерть! Искусанный до смерти, изголодавшийся до смерти, я буду рад, если меня повесят!

– Молчите, сэр! Вы с жиру беситесь!

– Прости вам Бог, сэр! – возмущенно воскликнул Костлявый. – Да я ни разу еще не получал полностью своего казенного пайка!

– Полный паек! Да разве можно набить такой дырявый куль? Сколько в него ни пихай, все будет мало!

– А что мне достается, то мне дорого достается, видит Бог! – продолжал возмущенный юноша. – Стоит мне поднести сухарь ко рту, чтобы эта проклятая собака накинулась на меня. Я никогда не имею глотка во рту без того, чтобы не быть укушенным. Этот пес съедает весь мой паек. Я желал бы, чтобы вы или отпустили меня, списали с этого судна, или повесили, одно из двух, так как вы едите в охотку, и собака ваша тоже ест, так что мне уж ровно ничего не достается, а паек нам отпускают только на двоих, а не на троих!

– Ах ты, дерзкий негодяй, что, ты забыл про кошку, про воровскую кошку, которой я собирался тебя угостить?

– Это уж больно обидно, чтобы такая паршивая собака да съедала всю мою порцию, да еще вдобавок наполовину съедала и меня самого! – не обращая внимания на угрозу, продолжал Костлявый.

– Ты забываешь купанье под килем, негодяй! – крикнул взбешенный лейтенант.

– Я надеюсь только, что там и останусь! – сказал в заключение Костлявый. – И не увижу больше ни вас, ни вашей паршивой собаки!

– Вон отсюда, мерзавец!

Последнее приказание Костлявый исполнил с большой поспешностью.

– Ты голодна, моя бедная собака? – ласково обратился к Снарлейиоу лейтенант Ванслиперкен.

Собака положила сперва одну, затем и другую передние лапы на колени своего господина.

³ Тяжелое морское наказание, состоящее в том, что приговоренного, привязав к канату, продергивают через воду с одного бока судна на другой под килем.

– Подожди, сейчас получишь свой завтрак, – продолжал он, – хотя сегодня утром ты поступил нехорошо, голубчик мой. Мы всего четыре года знакомы с тобой, а уж сколько раз ты жестоко подводил меня! стыдно, Снарлейиоу, стыдно, сударь! Но я вижу, что ты сожалеешь об этом, и уж так и быть, не оставлю тебя сегодня без завтрака!

С этими словами мистер Ванслиперкен поставил чашку с овсяной кашей на пол, а Снарлейиоу, не задумываясь, принялся уплетать ее так, что вскоре добрался до дна.

– Стоп, собака, стоп, нельзя так проворно, надо хоть что-нибудь оставить Костлявому! Довольно! – и лейтенант хотел убрать чашку с остатками каши. Снарлейиоу сердито заворчал и готов был цапнуть зубами своего господина, но тот отогнал его своим рупором, а чашку поставил на стол на утешение Костлявому.

– А теперь, Снарлейиоу, отправимся наверх! – И лейтенант вышел из каюты в сопровождении своей собаки, шедшей за ним по пятам. Вдруг с половины лестницы Снарлейиоу, крадучись, отстал от своего господина, стрелой вернулся обратно в каюту, в один миг очутился на стуле, а затем на столе и в несколько секунд вылизал дотла весь остаток каши, прибереженной лейтенантом для Костлявого. Покончив с кашей, Снарлейиоу с тем же проворством незаметно подкрался к хозяину и пошел за ним той же неслышной походкой, как будто все время безотлучно следовал за ним.

Глава III. Взгляд назад и знакомство с новой личностью

Предоставив Костлявому оплакивать свою горькую участь на баке, а лейтенанту Ванслиперкену прогуливаться со своей собакой по верхней палубе своего судна, мы постараемся познакомить читателя с тем временем, в какое происходили описываемые нами события, а также и с историей самого лейтенанта Ванслиперкена.

В то время, когда начинается наш рассказ, в Англии был призван на троне Вильгельм Нассауский, царствовавший в течение нескольких лет под именем Вильяма III.

Мир с Францией только что был заключен. Король при случае проводил некоторое время среди своих единоплеменников, в Голландии, и английский, и голландский флот, которые всего несколько лет тому назад сражались между собой с таким мужеством и упорством, в последнее время дружно обратили свое оружие против французов.

Вильям III, подобно всем чужестранным государям, выказывал большое пристрастие к своим единоплеменникам, и в эту пору Англия была переполнена голландскими фаворитами, голландскими придворными и должностными лицами и даже пэрами голландского происхождения. Но война была окончена, и большая часть английского и голландского флотов, разоруженная, была сдана в порты: лишь нескольким десяткам мелких судов было поручено ловить контрабанду, провозимую из Франции в ущерб английской промышленности. Упомянутый нами куттер также нес эту службу, и хотя был построен в Англии и составлял часть английского военного флота, но носил название «Jungfrau»⁴.

Голландским интересам во всем давался перевес, и голландцы, не находившие себе применения в своем отечестве или не пригодные к службе у себя на родине, без рассуждения определялись на службу на английские суда, в английские войска и на различные должности в Англии. М-р Ванслиперкен, хотя и голландец по происхождению, родился в Англии, задолго до того времени, когда принц Оранский был призван на английский престол, но он приходился ближайшим родственником нянюшке короля. До революции Ванслиперкен был под судом за трусость и недостойное поведение во время сражения между голландцами и англичанами, быв в то время уже лейтенантом на двухпалубном судне. Он состоял уже долгое время на службе, но до того момента постоянно служил на мелких судах, где не имел случая проявить себя с этой невыгодной стороны. Только благодаря покровительству короля-голландца ему посчастливилось вновь получить командование маленьким судном.

В то время служба была совершенно иная, чем теперь. Командиры судов были одновременно и казначеи, и имея в своем распоряжении все довольствие экипажа, все судовые суммы, которыми они располагали безотчетно, по своему усмотрению, наживали громадные деньги, обделяя и обирая своих подчиненных, которые находились в их полной власти, имея над ними даже право жизни и смерти. Во времена же голландского владычества жестокость обращения командиров с людьми экипажа превосходила все, что только можно себе представить, так как голландцы вообще известны своей жестокостью и бесчеловечностью.

Характер лейтенанта Ванслиперкена нетрудно описать в трех словах: трусость, жадность и жестокость. Без гроша, как последний нищий, он за время своего командования судами скопил немалую сумму денег, обкрадывая и людей, и правительство. Ни друзей, ни знакомых у него в Англии не было, и жил он, когда был на берегу, в нищете и убожестве, хотя имел возможность жить если не роскошно, то, во всяком случае, в полном довольстве и с комфортом. В данный момент ему было 55 лет; с того времени, как он получил команду над «Юнгфрау»,

⁴ по-немецки «Дева»

на нем лежала обязанность возить государственные депеши от короля в Голландию, благодаря чему ему часто случалось бывать в Гаге, где он познакомился с вдовой Вандерслуш, содержавшей в одном из предместий этого города Луст-Хауз, т. е. увеселительный дом, где собирались матросы выпить, поесть и повеселиться. Узнав о том, что аппетитная вдовушка хранит в своей шкатулке весьма почтенные капиталы, мистер Ванслиперкен стал выказывать к ней непритворное расположение, в надежде получить ее руку, а вместе с тем и ее капиталы. Вдова и не думала принимать этого лестного предложения, но была слишком благоразумна, чтобы наотрез отказать лейтенанту, зная, что в таком случае отверженный поклонник запретит людям экипажа посещать ее Луст-Хауз, и она через это потеряет значительное число посетителей и часть своих доходов. Ввиду этого она каждый раз любезно встречала Ванслиперкена, убаюкивала его самыми светлыми надеждами, но далее обещаний дело не подвигалось.

Где и когда Ванслиперкен подобрал своего возлюбленного Снарлейиоу, это оставалось для всех неразъясненной тайной. Говорили, что эта собака появилась на куттере каким-то сверхъестественным образом, и все относились к ней с каким-то суеверным страхом.

Так как несколько времени тому назад на судне было возмущение, и экипаж решился даже прибегнуть к явному насилию над особой командира, сделав попытку ворваться ночью в его каюту, то весьма вероятно, что у лейтенанта явилась мысль, что верный страж в образе собаки был бы весьма полезен в его обстановке, и, как только представился случай, обзавелся таковым. Весь запас нежных чувств и привязанности, какой только таился в его черствой душе, без всякого сомнения, сосредоточивался у него на этом отвратительном животном; после любви к деньгам и наживе любовь к Снарлейиоу занимала первое место в сердце Ванслиперкена.

Что же касается злополучного Костлявого, то, скитаясь по свету бесприютным сиротой, бедняга голодал до поступления своего на куттер «Юнгфрау» и продолжал голодать точно так же и находясь на нем. Всю его порцию или почти всю съедала собака командира, а ему оставалось питаться добродетельными пожертвованиями сердобольных товарищей, собирая по крохам то тут, то там.

Теперь вернемся к прерванному рассказу.

Лейтенант Ванслиперкен расхаживал на капитанском мостике, а люди экипажа, окончив свой завтрак, слонялись по палубе от нечего делать. Они выжидали возвращения двух шлюпок, которые были высланы еще с вечера. Ванслиперкен за целый час не проронил ни слова. Сначала его мысли были заняты вдовой Вандерслуш, затем перескочили на Костлявого, и он стал размышлять, какое бы придумать для него наказание, достойное его злодеяний, когда один из вахтенных матросов крикнул, что лодки впереди, и тем самым прервал размышления командира.

– Далеко? Как они идут, на парусах или на веслах?

– На веслах, сэр, мы идем прямо на них!

Но командир был не в добром настроении и потому приказал положить судно на дрейф.

– Я полагаю, что люди там достаточно надсажались всю ночь! Можно бы и пожалеть их и подойти к ним поближе! – проговорил Янсен, который только что сменился с очереди у руля, обращаясь к Обадиа Коблю, стоявшему подле него.

– Я тоже так думаю, но все равно нам шквала не миновать, дьявол поставит на своем!

– Черт побери! – отозвался Янсен, глядя на Бичи-Хэд и угрюмо качая головой.

– Ну, что еще, старый шнапс?⁵ – спросил Кобль.

– Шнапс! Да, черт побери, шнапс! Я теперь думаю о том, как французы разгромили здесь нас, голландцев, когда вы, англичане, не хотели драться!

⁵ «Шнапс» – водка.

– Подумай о том, что ты говоришь, старая плетка! Не захотели драться! Да когда же это мы не захотели драться?

– Да здесь! Видит Бог, вы, англичане, все тогда позапрыгались, и ни один не подошел к нам на помощь!

– Так мы не могли поступить иначе!

– Баа! – презрительно уронил Янсен, говоривший о сражении под Бичи-Хэдом в 1690 г. и о поражении союзного голландско-английского флота французами.

– Мы не захотели драться! – сердито продолжал Кобль. А что ты скажешь о Хоге?

– Там вы показали себя молодцами, я ничего не говорю!

– А хочешь ли, я тебе скажу, почему мы себя там показали молодцами, хочешь? Потому что нам не помогали голландцы!

– А я тебе скажу, что мы тогда потерпели поражение только потому, что вы не захотели в нужный момент дать нам подкрепления, вот что! – И Обадиа переправил свою жвачку за правую щеку, а Янсен за левую. На этом разговор и закончился. Такого рода споры и попреки постоянно возобновлялись между ними и вообще между моряками голландцами и англичанами. Но дело редко доходило до чего-нибудь более крупного, чем слова, а между Коблем и Янсенем и подавно, так как они были большие друзья.

Вскоре шлюпки были приняты на судно, но с того самого момента, как по команде лейтенанта судно легло в дрейф, каждый удар весел на шлюпках сопровождался проклятием гребцов по адресу командира судна. Старший офицер, имевший начальство над шлюпками, поднялся на капитанский мостик и подошел к лейтенанту Ванслиперкену. Это был тучный, коренастый человек, на коротких толстых ногах, напоминавший собою фигуру медведя. Звали его Дик Шорт⁶. Во всех отношениях это имя подходило ему как нельзя более: ростом он был короток, в решениях быстр, в речах до крайности краток.

Он даже не считал нужным, являясь к командиру, доложить ему о том, что он прибыл: «Ведь это же само собой ясно, раз я стою перед ним!» – рассуждал мысленно Шорт и потому, взяв под козырек, молча стоял перед своим начальником, говоря с которым он при ответе или обращении никогда не прибавлял даже слова «сэр», что, конечно, сильно раздражало лейтенанта Ванслиперкена, но последний почему-то боялся Шорта, а Шорт, хотя и подчиненный лейтенанту, ничуть его не боялся и не уважал.

– Ну, что же вы сделали, Шорт? – спросил лейтенант.

– Ничего!

– Видели вы какие-нибудь шлюпки или суда?

– Нет!

– Добыли какие-нибудь сведения?

– Нет!

– Что же вы делали всю ночь?

– Гребли!

– Приставали к берегу для разведок?

– Да!

– И никаких сведений не добыли?

– Никаких!

И Шорт повернулся, чтобы идти вниз, когда Снарлейиоу ползком приблизился к нему и стал обнюхивать сзади его пятки. Шорт дал ему здоровый удар каблуком, отбросивший отвратительного пса на несколько сажен в сторону, что привело Ванслиперкена в сильную ярость.

Но не решаясь проявить свой гнев на своем старшем офицере, он вспомнил о бедняге Костлявом и тотчас же приказал позвать к себе капрала ван-Спиттера.

⁶ в переводе «Короткий или Краткий»

Глава IV. Отчаянная схватка

В то время существовал обычай отряжать на каждое военное судно известное число солдат; поэтому и на куттере «Юнгфрау» также находилось 6 человек рядовых и один капрал, все голландцы, числившиеся в войсках голландской армии. Для личности, столь нелюбимой, чтобы не сказать, столь ненавидимой всем экипажем, как лейтенант Ванслиперкен, эта небольшая военная сила являлась необходимой поддержкой, и потому как сам капрал, так и его команда были у Ванслиперкена в большой чести. Капрал был у него казначеем и провиантмейстером и мог наживаться заодно с командиром. Зато он был самый беспрекословный исполнитель всех кар и приговоров ненавистного тирана. Капрал ван-Спиттер не имел ни капли человеческого чувства, и приказы командир, не задумываясь расстрелял бы в любой момент одного за другим всех людей экипажа, не поморщившись.

Это был громадного роста и объема детина, весивший свыше шести пудов, с могучим кулаком и свирепым лицом. Только один Янсен мог с ним тягаться: это был такой же могучий колосс, такой же рослый и сильный, с той только разницей, что его сильное тело не было безобразно тучно и громоздко, как корпус капрала.

С трудом пропихнув свои саженные плечи в узкое отверстие люка, капрал ван-Спиттер предстал пред лейтенантом Ванслиперкеном, втиснутый в тесные синие брюки и не менее тесную синюю форменную куртку с ясными пуговицами, на которых был выбит крадущийся лев, и, приложив руку к козырьку, ожидал приказаний.

– Капрал ван-Спиттер, приготовьте кошки для наказания, а когда все будет готово, приведите сюда Костлявого!

Повернувшись на каблуках с удивительной ловкостью, капрал молча зашагал к люку и вскоре снова появился на палубе со всеми орудиями порки, которые он разложил у одного из орудий с подветренной стороны судна, и затем опять скрылся внизу.

Вскоре послышалась возня, вероятно, некоторое сопротивление со стороны жертвы, затем наверху еще раз появился капрал, тащивший под мышкой тощего и тщедушного Костлявого, которого он ухватил поперек тела, так что голова его и ноги беспомощно болтались, как плети.

Несчастливого, теперь не шевелившегося и не издававшего ни малейшего звука, разложили на орудии, привязав к нему. Люди экипажа, находившиеся наверху, в это время молча смотрели на все эти приготовления. Порка такого бедняги, как Костлявый, было дело слишком обычное, а выражение неодобрения было бы слишком опасно. Кто-то из матросов, по приказанию командира, торопливо обнажил спину Костлявого. Это было отнюдь не тело, а только скелет, обтянутый кожей; вид желтой страшной худобы был положительно ужасен. Бедняга молча и безропотно вынес положенные ему 3 дюжины плетей, мерные удары которых сопровождались лишь лаем Снарлейиоу, который не преминул бы наброситься на несчастного, если бы его не держал крепко за ошейник один из матросов. Лейтенант Ванслиперкен во все время наказания продолжал расхаживать по палубе, безмолвно наблюдая за всем, что делается кругом.

Наконец капрал отвязал Костлявого и стал сворачивать свою кошку⁷, когда собака, которую не укараулил матрос, вырвалась и, накинувшись на несчастного избитого парня, жестоко укусила его. Тогда Костлявый, казавшийся как бы в бесчувственном состоянии и не успевший еще подняться с колен после того, как матрос закинул его израненное тело рубашкой, вдруг вскочил на ноги с диким криком бешенства, ко всеобщему удивлению, накинулся на собаку, затем, обхватив ее обеими руками, стал с бешеной злобой кусать зубами и душить за горло. Все невольно отпрянули при виде столь необычайной схватки; никто не решился вмешаться.

⁷ семихвостую плетку

Долго продолжалась эта чудовищная борьба человека с собакой: доведенный до отчаяния, до остервенения, парень кусал и держал своего противника с силой и упорством настоящего бульдога, впиваясь в его губы, в уши, в самое горло собаки зубами. Собака не могла вырваться от него: он держал ее, как в тисках, в своих судорожно сжатых руках. Оба катались по земле в диком бешенстве. Наконец Снарлейиоу схватил Костлявого сбоку за шею, но тот впился зубами в переднюю лапу собаки с такой силой, что та громко взвыла, прося защиту у своего господина. Ванслиперкен, выхватив свой рупор, со всей силой ударил им по голове несчастного Костлявого и совершенно ошеломил его, так что он поневоле выпустил собаку.

Поднявшийся в этот момент на палубу Шорт, видя происшедшее и угадав, что собака готова снова наброситься на Костлявого, угостил ее таким здоровым пинком сапога в бок, что та с визгом и воем отлетела на целую сажень и скатилась вниз с лестницы в каюту.

– Как вы смеете, мистер Шорт, бить мою собаку? – воскликнул лейтенант Ванслиперкен.

Но Шорт, не удостоив его ответом, подошел к избитому и искусанному Костлявому и приподнял его голову; тот пришел в себя. Он был страшно искусан по лицу и шее и имел рану на лбу от удара рупора. Шорт подозвал матросов и приказал им отнести Костлявого вниз, что они исполнили с особой готовностью; внизу омыли все его раны соленой водой и уложили его на его койку.

Ванслиперкен и капрал переглянулись, когда Шорт отдавал свои приказания, но ни тот, ни другой не вмешались: один боялся Шорта, другой выжидал приказания. Как только люди унесли Костлявого, капрал взял под козырек и, повернувшись на каблуках, направился вниз, унося под мышкой кошку и веревки.

Бешенство Ванслиперкена теперь еще более возросло и, засунув руки еще глубже в карманы своего пальто, с торчащим из-под мышки сплюснутым в конце рупором, он быстро шагал назад и вперед по палубе, бормоча себе под нос:

– Уж я проморю его под килем, этого негодяя! Я научу его кусать мою собаку!

Что же касается самой собаки, то она не появлялась более на палубе и долго лежала, зализывая свои раны, а под конец задремала, забившись в темный угол капитанской каюты, поминутно сердито ворча во сне, как будто снова вступая в отчаянную схватку.

Глава V. Совещание, похожее на заговор

Совещание это происходило на баке королевского куттера «Юнгфрау» вечером того дня, когда злополучный Костлявый подвергся наказанию. Почти весь экипаж присутствовал на этом совещании; только капрал ван-Спиттер, который во всех подобного рода вещах стоял в оппозиции к экипажу, а также и его 6 человек солдат, составлявших хвост своего капрала, за которым они всегда и во всем слепо следовали, отсутствовали.

Председателем этого совещания был боготворимый всем экипажем Дик Шорт; его усердно поддерживали Кобль, Джэк Янсен и еще одна замечательнейшая личность из судового персонала, некий Джемми Декс. Это был чрезвычайно любопытный человек. Его красивое мужественное лицо, оттененное густыми черными баками, его длинный свиной хвостик⁸, широкие могучие плечи и богатырская грудь невольно вызвали восклицание: «Какой красивый матрос!» Но – увы! – это казалось лишь до тех пор, пока Джемми сидел; стоило же только ему встать на ноги, – и вы невольно воскликнули бы: «Какой урод!» Дело не в том, что природа не доделала того, что начала так хорошо. Этот красивый торс с красивой головой был посажен на коротенькие кривые ножки, – и богатырь превращался в безобразного карлика. Но эта уродливость тела ничуть не вредила его физической силе, и весьма немногие решились бы вступить с ним в борьбу.

Джемми Декс был прекрасный моряк, сердечный и чувствительный человек, большой весельчак, балагур и шутник, записной скрипач и песенник, словом, любимец команды, без которого веселье – не веселье, и пирушка – не пирушка. Джемми был человек женатый, и если его природа обидела ростом, то он с лихвой вознаграждал себя в этом отношении в жене, выбрав чуть ли не самую рослую женщину во всей Англии. Что касается ее красоты, то в этом отношении жена его не могла похвастать, но с того уровня, с которого на нее взирал ее супруг, она могла казаться даже красивой, если принять в соображение эффекты перспективы. Супруге своей Джемми также казался верхом совершенства, и она безумно ревновала его, совершенно не замечая его физического недостатка, с которым, очевидно, вполне свыклась.

Таков был Джемми Декс⁹, общий любимец, который, сидя теперь в кругу своих товарищей с своей неразлучной скрипкой в руках или, вернее, между ног, так как он играл на ней, как на контрабасе, время от времени побрякивал струнами, как бы аккомпанируя беседе. Это делалось для того, чтобы лейтенант Ванслиперкен думал, что его команда собралась повеселиться и побалагурить.

Двое или трое из матросов неотступно наблюдали за задней частью судна, чтобы успеть заметить вовремя появление капрала ван-Спиттера или одного из его людей, так как хотя капрал и не мог проскользнуть незаметно в компанию благодаря своим гигантским размерам, но он был всем известен своею привычкой подслушивать и все доносить командиру и потому его надо было всегда остерегаться.

– Несомненно одно, что собака – не офицер! – сказал Кобль.

– Нет, не офицер! – подтвердил Дик Шорт.

– Она не числится в судовой книге или записи, следовательно, я не вижу, как это может быть названо бунтом или заговором!

– Никак не может! – решил Шорт.

– Мейн Гот... Да, это не собака, это тифель¹⁰! – заметил Янсен. – И никто не знает, как эта погань попала на куттер!

⁸ в ту пору матросы носили напудренные косы, которые они называли «свиной хвостик»

⁹ т. е. «утка»

¹⁰ Тифель – черт.

– Об этом рассказывают диковинные вещи! – пробормотал себе под нос один из матросов.

– Этого беднягу вгонят в гроб, если так будет продолжаться! – сказал Джемми Декс, побрякивая струнами своей скрипки. – Командир до тех пор не уgomонится, пока не выживет его души из его тощого тела! Бедняга, стоит только взглянуть на него теперь!

– Если не будет убита собака, то будет смерть Костлявому, это верно! – решил Кобль. – И я, право, не вижу, почему нам предпочитать жизнь этого паршивого пса человеческой жизни! Что вы на это скажете, ребята?

– Давайте повесим ее теперь же!

Опять забренчали струны.

– Нет! – проговорил Шорт.

Янсен достал из-за пояса нож и жестом показал, как бы он перерезал горло собаке.

– Нет! – сказал Шорт.

– Выбросим ее просто за борт ночью! – предложил кто-то из матросов.

– Да, а как ты ее вытащишь из каюты ночью-то? Нет брат, уж если прикончить эту гадину, так только днем!

Шорт утвердительно кивнул головой.

– Я при первом случае швырну ее за борт, – заметил Джемми Декс, – но только я желал бы знать, действительно ли это настоящая собака, или нет?

– Собака! Конечно, собака! – заметил Янсен.

– Это, конечно, всякий знает, что собака – собака, но я желаю знать, собака ли эта командирская собака?

Все молчали, а Джемми снова стал побрякивать струнами своей скрипки.

Все матросы до одного, без сомнения, желали отделаться от ненавистного для них пса, но ни один из них не имел охоты взять на себя задачу избавить остальных от этого чудовища.

Не страх наказания удерживал их от этого, а суеверный предрассудок, что выбросить за борт кошку или собаку – большой грех, и что подобный поступок навлекает несчастья. В данном же случае это суеверие усиливалось еще странными рассказами о тех обстоятельствах, при каких появилась на судне эта собака, что, в связи с ее дьявольским нравом, служило поводом к предположению, что это не простая собака, а исчадие ада, посланное самим сатаной в товарищи его верному слуге, лейтенанту Ван-слиперкену. Поэтому всякая попытка извести эту собаку неминуемо должна будет повлечь за собой всевозможные напасти и несчастья не только для смельчака, который отважится на это страшное дело, но и для всего судна и его экипажа. Даже Шорт, Кобль и Янсен, наиболее смелые и притом главари совещания, несмотря на свое сочувствие к бедному Костлявому и желание отомстить за него, не имели большого желания взяться за это дело, хотя, конечно, старались не выказать этого.

– Так вот, Билль Спюрей, – проговорил Кобль, – ты больше других знаешь о том, как эта чертова собака попала сюда на судно! Расскажи же нам все, как было, а мы послушаем да и решим все сообща, собака ли эта собака, или нет!

– Ладно! – согласился Билль Спюрей. – Я расскажу вам все, что слышал сам от Джое Джири. Сам я, как вы знаете, не был в то время на куттере, когда этот пес появился здесь. Ведь после бунта в прошлом году весь экипаж был распущен и набраны новые люди. В числе этих новичков был и я. Случайно столкнувшись в трактире с Джое Джири, я захотел разузнать у него, какого рода человек мой новый командир, и, признаюсь, то, что узнал, побуждало меня немедленно отказаться, но в ту пору все крупные суда лежали в портах, работы было мало, нашего брата матросов сотни шлялись без дела. Ну, я и пораздумал, да так и остался! Так вот что рассказал мне об этой собаке Джое. Это было в темную, бурную зимнюю ночь; буря

завывала как бешеная; шкипер¹¹ приказал привязать себя, чтобы его не смыло, так как волны заливали судно со всех сторон; кроме того, его кидало, как щепку, а с подветренной стороны был берег. Буря сорвала паруса и, наконец, снесла даже мачту, хотя на ней уже не было парусов. Люди пришли в отчаяние; спасения не было; судно без парусов и без мачт не повиновалось рулю, и все молили Бога о спасении, плача, как дети, и простирая к небу руки. Один шкипер не плакал и не молился, а слал самые страшные проклятия и небу, и ветру, и морю, и в тот момент, когда совершенно отчаявшиеся в своем спасении люди восклицали: «Боже, спаси нас от смерти!» он орал, потрясая кулаками: «Пусть черт нам поможет!» И что вы думаете? Не успел он договорить этих слов, как сверкнула ослепительная молния над самым судном, удар грома разразился над головой шкипера, но не повредил ни ему, ни судну: только синеватый шар, точно сотканный из голубого пламени, ударился о верхушку обломка мачты и затем скатился, припрыгивая к гакаборту, где стоял шкипер совсем один, так как все бежали от него, слыша его богохульство. Некоторые утверждают, будто он в этот момент с кем-то разговаривал вполголоса, но хорошенько никто не слышал. Только вдруг он выступил вперед так смело, как от него никто не мог ожидать; за ним следом плелась эта мерзкая тварь, низко опустив голову и поджавши хвост, как она это делает всегда. Вдруг собака подняла голову и громко рывкнула, и едва это сделала, как ветер стих; она рывкнула еще раз, – и море улеглось. Шкипер стал гладить ее по голове, а она – громко лаять раз десять подряд, – и ко всеобщему удивлению и ужасу, в двух милях от нас засветились огни маяка Форланда; небо стало ясно, а море спокойно, как вода в тазу. Вот что мне рассказывал Джое, который сам в то время служил на этом куттере! – заключил Билль.

Все молчали. Наконец Янсен тихо промолвил:

– Так, значит, эта собака – не собака!

– Нет, – поддерживал его Кобль, – это дар дьявола своему любимцу и угоднику в минуту его отчаяния!

– Да! – сказал Шорт.

– Однако Костлявый не боится ее и изрядно потрепал ее сегодня. И мне кажется, что укокошить эту гадину было бы богоугодное дело! – заметил Джемми.

– Да, но ведь это не смертная собака, Джемми!

– Что там ни говори, а только Костлявый рано или поздно убьет ее, если только сумеет! – сказал Декс.

– Да, это самое настоящее дело, и как только бедняга справится, мы надоумим его на это дело. Ведь эта чертова не собака его заклятый враг: сколько он терпит от нее; ему и следует извести ее!

На этом и было решено. Не спросили только об этом самого Костлявого, который теперь спал крепким сном. Затем все разошлись и пошли вниз, считая этот вопрос исчерпанным.

¹¹ Так называют на английских судах командира.

Глава VI. Друзья принимают друг друга за врагов

Несмотря на все предосторожности, принятые совещающимися на баке, беседа их была подслушана капралом ван-Спиттером, который, заподозрив, что экипаж что-то замышляет, прокрался за бульварком и залег плашмя на фокзейль¹², лежавший между двумя орудиями. Успев проделать все это незамеченным, он осторожно накрылся парусом и таким образом оставался неподвижно на все время совещания и слышал почти каждое слово. Когда все разошлись, он решил из предосторожности выждать еще несколько минут. В это самое время Ванслиперкен, одиноко шагавший по палубе, так как неразлучный его товарищ Снарлейиоу лежал, свернувшись, на кровати своего господина и сердито храпел, – размышлял о том, как бы удовлетворить две самые сильные человеческие страсти: любовь и мщение. Но это не помешало ему заметить, что на баке слишком долго продолжается какая-то беседа, и когда люди стали расходиться, он направился туда в надежде остановить кого-нибудь из оставшихся и заставить его выдать секрет беседы угрозами и страхом. И вот в тот самый момент, когда Ванслиперкен подходил к баку, капрал сбросил с себя парус и собирался подняться на ноги, но заметил, что кто-то идет в его сторону. Не дав себе времени разглядеть, кто это мог быть, он проворно юркнул под парусину, но лейтенант заметил этот маневр и, полагая, что ему удалось накрыть одного из заговорщиков, схватил гандшпук, валявшийся поблизости, и ударил им изо всей силы по притаившемуся под парусиной капралу.

– Гром и молния! – заревел под парусом капрал, полагая, что один из матросов, накрыв его в подслушивании, вздумал наказать его за это, воспользовавшись тем обстоятельством, что он закрыт, и делая вид, что не узнал его.

– Гром и молния! – орал капрал, стараясь освободиться от паруса, опутавшего его, как тенета. Но в этот момент лейтенант наградил его новым здоровенным ударом. Тогда ван-Спиттер, как разъяренный бык, вскочил на ноги, рванулся вперед и одним мощным ударом отшвырнул командира, так что тот слетел в люк и через голову скатился с лестницы, да так и остался недвижим и без сознания, ошеломленный силой удара и падения.

– Тысяча чертей! – пробормотал капрал. – Да ведь это был сам шкипер! Это виселицей пахнет, черт побери! – При одной мысли об этом весь пыл и жар его как рукой сняло. – Вероятно, он не узнал меня, не то никогда не ударил бы!

Капрал осторожно опустился вниз и убедился, что его доброжелатель в бессознательном состоянии. – Прекрасно, – решил он, зажег фонарь и, направившись в кормовую часть, со свойственной ему хитростью постучался в дверь командирской каюты, но в ответ послышалось только сердитое ворчание Снарлейиоу. Тогда он поднялся наверх на капитанский мостик, огляделся кругом и осведомился у рулевого, где г. Ванслиперкен; узнав же от него, что тот несколько минут тому назад пошел на бак, капрал последовал туда. Затем, заявив, что не нашел капитана ни в каюте, ни на баке, он пошел к старшему офицеру, который лежал, растянувшись, на своей койке. Постучавшись в его дверь, капрал окликнул его: «мистер Шорт!»

– Ну! – отозвался последний.

– Я не могу найти мистера Ванслиперкена!

– Ищите!

– Mein Gott¹³, я везде искал, и на баке, и в каюте, и на мостике! Нигде его нет!

– За бортом!

– Я пришел к вам, сэр, за серьезными сведениями!

¹² большой парус

¹³ Боже мой

– Встаю! – сказал Шорт и соскочил со своей койки. Пока он одевался, капрал созвал всех своих людей.

Среди экипажа разнесся слух, что шкипер упал за борт, о чем не преминули шепнуть даже Костлявому, который при этом улыбнулся и пробормотал, что и Снарлейиоу вскоре последует за своим господином. В то время, когда Шорт искал командира наверху, капрал, которому отлично было известно, где его искать, со своими людьми наткнулся на бесчувственного лейтенанта, к немалому огорчению всего экипажа. Солдаты подняли командира и отнесли его в каюту, где собирались положить его на постель, но Снарлейиоу положительно воспротивился этому.

Шорт явился и осмотрел своего начальника.

– Что, он умер? – спросил капрал.

– Нет! – отозвался Шорт.

– Так что же с ним такое? Как могло это случиться?

– Расшибся, свалился! – сказал старший офицер.

– Что же мы будем делать?

– В постель его! – и с этими словами Шорт повернулся и вышел.

– Mein Gott, да ведь собака не дает ему лечь на постель! – сказал капрал.

– Попробуем положить его, не укусит же она своего господина! – сказал один из солдат и с помощью двух-трех товарищей поднял лейтенанта и почти бросил его на постель, сторонясь от собаки.

Снарлейиоу сердито заворчал и раза три жестоко укусил Ванслиперкена в щеку, после чего соскочил с кровати и ворча убрался под стол.

– Нечего сказать, милое животное! – заметил один из солдат. Никакой медицинской помощи на куттере не было, а тот небольшой запас медикаментов, который отпускался казначейшей командиру, тотчас же продавался им одному знакомому аптекарю. Поэтому пришлось удовольствоваться одной соленой водой, которою смочили сквозь простыню лицо и голову Ванслиперкена и пощекотали ему в носу жженым перышком, что, в связи с укусами собаки, вскоре привело в чувство лейтенанта.

Капрал слегка задрожал, когда командир остановил на нем свой взгляд, и удвоил свое внимание к нему. – Mein Gott, Mynheer¹⁴! Как это с вами случилось? – участливо осведомился он.

Ванслиперкен приказал всем выйти вон, кроме капрала, затем сообщил ему, что его кто-то сбросил с лестницы, и что, судя по фигуре, это мог быть только Янсен. Ван-Спиттер, обрадованный этим заблуждением, поспешил поддержать его, и когда лейтенант упомянул, что он заметил, что люди экипажа о чем-то совещались на баке, капрал, чтобы подслужиться, не преминул сообщить Ванслиперкену те подробности, которые ему удалось подслушать, причем признался, что нарочно с этой целью спрятался у бака.

– А где же вы могли спрятаться? – испытующим тоном спросил Ванслиперкен, у которого тотчас же мелькнула мысль, что такая громадина могла спрятаться не иначе, как только под парусом. Однако ван-Спиттер ловко вывернулся, сказав, что стоял у люка, притаившись на лестнице, и ушел только тогда, когда матросы стали расходиться.

После этого произошло длинное совещание относительно того, как спасти от смерти Снарлейиоу и каким образом втихомолку сжить со света Костлявого. Но об этом лейтенант сегодня не особенно распространялся, так как недостойное поведение его собаки, от которой он так жестоко пострадал, на время восстановило его против нее, и он уже не так горячо принимал к сердцу ее судьбу, как во всякое другое время.

¹⁴ Боже мой, мингер

Глава VII. Ванслиперкен отправляется на берег свататься ко вдове Вандерслуш

Прошло около трех недель сравнительно мирно и благополучно. За это время лейтенант Ванслиперкен оправился от своих ран. Костлявый также. Первый измышлял средства извести последнего, а последний выжидал случая покончить с собакой. Все это время Костлявому жилось лучше прежнего. Ванслиперкен смотрел на него, как на приговоренного, и относился к нему лучше и снисходительнее, а Снарлейиоу, помня свое поражение, воздерживался от нападок на своего противника даже и тогда, когда бедняга запихивал в рот черствые сухари.

Наконец «Юнгфрау» бросила якорь у берегов Голландии, так как Ванслиперкен имел секретные депеши в Гагу. Король Вильям III посылал письма и малую толику английских денег своим голландским друзьям, зная, что они могут пригодиться ему. Добравшись до Амстердама, лейтенант вручил, кому следует, письма и деньги и ожидал ответных благодарственных писем королю.

Но отчего такая возня и суматоха на куттере? Костлявый появляется то тут, то там; капрал с проворством старого слона трусит из конца в конец палубы; даже Снарлейиоу то выбегает наверх, то спускается вниз по лестнице, ведущей в кают-компанию. Дело в том, что лейтенант Ванслиперкен отправляется на берег засвидетельствовать свое почтение и еще кое-что вдове Вандерслуш. Шлюпка уже ожидает его, а вот и сам он выходит на палубу куттера. Неужели это лейтенант Ванслиперкен? Конечно, новенький с иголки мундир скрасит хоть кого, но следует заметить, что расшитый золотом и позументами мундир особенно красит тех, кто без мундира непригляден, люди же, которые смотрят хорошо в обыкновенном платье, всегда как будто теряют в мундире.

Поверх мундира на Ванслиперкене было форменное синее пальто с пунцовыми отворотами и обшлагами, а через плечо на широкой перевязи болтался старинный форменный кортик, украшенный серебряной насечкой, с рукояткой из слоновой кости, с золотыми нитями. Голову украшала треугольная шляпа с золотым галуном, причем один из углов образовал навес над его длинным тонким носом. Без сомнения, вдова должна была прельститься такой наружностью, и хотя говорят, то женщины ловятся, как макрель¹⁵, на яркие цвета и галуны мундира, но вдовы – народ опытный и недолюбливают мужчин, которые походят на селедок, предпочитая жирненьких карасей. А потому их трудно заставить принять тень за нечто существенное. Но лейтенант Ванслиперкен был очень доволен собою в этот день. С торжественным и благосклонным видом он отдавал последние приказания и делал последние распоряжения своему старшему офицеру, который отвечал на все, по обыкновению, коротко и отрывисто, капралу, который выслушивал их в чисто военной позе, пожирая глазами начальство, и, наконец, Костлявому, внимавшему его словам с приниженной покорностью и тайным трепетом. Все, казалось, обстояло благополучно, и Ванслиперкен направился к шлюпке, но в самый последний момент ему предстал вопрос, как же быть с собакой? Если ее оставить на судне и оставить тут же Костлявого, то можно было сказать с уверенностью, что парень швырнет ее за борт. Взять Снарлейиоу с собой было тоже невозможно, так как аппетитная вдовушка, не терпевшая собак вообще, всеми силами души возненавидела Снарлейиоу, который однажды позволил себе забыться в ее гостиной, где царилла безупречная чистота, и с того момента решительно заявила, чтобы эта собака не показывалась не только в ее помещении, а даже и близко к ее дому. Итак, взять с собой своего любимца было также невозможно. Да, но что мешало ему взять с собой Костлявого? На него воспрещение не простиралось. И припомнив, что у него

¹⁵ рыба

есть в экономии два мешка сухарей, которые он мог по дешевой цене уступить вдовушке, лейтенант приказал Костлявому взять шапку, захватить сухари и сесть с ним в шлюпку. Теперь он мог быть сравнительно спокоен за свою собаку.

Костлявый же должен был отнести эти сухари в дом вдовы, которая была не прочь делать маленькие делишки с лейтенантом и при случае позволяла ему поухаживать за собой, особенно же после того, как между ними был заключен небольшой торг, окончившийся к ее удовольствию. Костлявый наряжался недолго: весь его парадный костюм состоял из пары туфель на босые ноги и затасканной шапки на его постоянно непокрытую голову. Когда лейтенант, Костлявый и сухари были уже в шлюпке, Снарлейиоу выказал желание сопровождать их, но ему было в этом отказано, что он принял с большим негодованием.

После отбытия командира Шорт, оставшись за старшего на судне, решил, что он может дать себе отпуск и отправиться на берег, а потому приказал готовить для себя шлюпку, оставив за старшего на куттере Кобля. Он взял с собой Янсена, Джемми Декса, еще 4 или 5 матросов и Снарлейиоу, решившего во что бы ни стало съехать на берег; Шорт ничего против этого не имел, зная, что если этот пес встретится на берегу с Костлявым, тот не преминет швырнуть в его в первый канал, которых так много в улицах Амстердама. Таким образом, Снарлейиоу получил разрешение прыгнуть в шлюпку и затем высадился с остальными на берег, откуда все отправились, по заведенному обычаю, в Луст-Хауз вдовы Вандерслуш.

Глава VIII. Козни вдовы против Ванслиперкена и Костлявого против его собаки

Вдова Вандерслуш, владелица Луст-Хауза, где проводили свое время и тратили свои деньги матросы стоявших в порту судов, занимала отдельный маленький флигель, сообщающийся через сени и заднюю дверь с ее заведением. Ее собственное жилище было очень невелико, но уютно, опрятно и удобно и выходило одним окном на улицу и одним во двор, что не мешало этому флигельку вырасти вверх до трех этажей. Внизу помещалась гостиная вдовы и ее кухня, а в первом и во втором этаже были две маленькие комнатки. Ничего лучшего для вдовы нельзя было и требовать. Кроме того, на заднем дворе у нее был целый ряд хозяйственных построек и выход на заднюю улицу.

Мистер Ванслиперкен, поздоровавшись с аппетитной вдовушкой, положил шляпу и оружие на маленький столик у окна и, сев на маленький диванчик рядом со вдовой, только что взял ее руку в свои и дал волю своим сердечным излияниям, как вдруг – о, ужас! – в комнату, точно бомба, ворвался Снарлейиоу.

– Как смели вы, Мунхеер, привести ко мне в дом эту мерзкую собаку?! – воскликнула вдова, вскакивая с дивана, причем лицо ее, подобно полной луне, стало багровым от гнева.

– Уверяю вас, сударыня, что я, зная, что вы не любите животных, оставил ее на судне! Вероятно, кто-нибудь привез ее сюда! Я это разужнаю и примерно накажу виновного!

– Я люблю животных, но не таких паршивых, безобразных, неопрятных и злых, как эта! Я положительно не понимаю, как вы можете держать у себя такую гадость после того, что я вам говорила. Это не доказывает вашего чувства ко мне, если вы на зло мне держите у себя такое животное! – продолжала вдова.

– Но я уверяю вас!..

– Не уверяйте, пожалуйста, мистер Ванслиперкен, собака эта ваша, и вы можете сделать с ней, что хотите. Во всяком случае, я буду очень благодарна вам, если вы уберете ее отсюда, а так как она, быть может, не пожелает уйти без вас, то лучше уж и вам отправиться вместе с ней!

Никогда еще вдова Вандерслуш не была так резка и так немилостива по отношению к своему поклоннику. Но дело в том, что расчетливая вдовушка заметила Костлявого, сидевшего, подобно статуе долготерпения, на своих мешках с сухарями у ее порога, и вдовушку мучил вопрос – подарок это или продажный товар, и она во что бы то ни стало желала выяснить этот вопрос. Хитрость ее удалась вполне. Прежде всего лейтенант Ванслиперкен сделал то, чего никто не мог от него ожидать: он дал такой здоровый пинок ногой своей собаке, что та с воем вылетела на задний двор. Мало того, он последовал за ней еще туда, и, несмотря на попытку Снарлейиоу укунить его в ногу, чего лейтенант теперь не боялся, так как на нем были высокие сапоги и он чувствовал себя неуязвимым, он продолжал угощать собаку пинками, пока не выгнал ее совсем со двора на улицу и не захлопнул за ней калитки, которую запер на ключ. После такого подвига мистер Ванслиперкен вернулся в гостиную вдовы, где застал хозяйку с бурно колышущейся грудью и всеми признаками гнева и обиды на лице, ожидающей извинений своего поклонника за его умышленную или неумышленную вину. Словом, она ждала, чтобы сухари были принесены ей в дар умиловивления, и когда это было сделано, так как никаких других способов умерить гнев своей богини Ванслиперкен не знал и не мог придумать, то буря постепенно улеглась. Сухари были прибраны к месту, и лейтенант снова восседал на диванчике подле дородной вдовы, держа в своих руках ее пухлую руку.

Когда Костлявый удалился, унося под мышкой пустые мешки из-под сухарей, он сначала постоял несколько минут в нерешимости у порога дома вдовы, затем, как бы приняв какое-то решение, направился в ближайшую мелочную лавочку и приобрел там иголку, крепкую,

но тоненькую бечевочку и дешевую селедку. Получив все это, он вернулся к дому вдовы со стороны задней калитки и вошел в нее.

Отыскать, где был заперт Снарлейиоу, было не так трудно, так как собака ворчала и скреблась, стараясь прорыть себе лапами лазейку под дверкой. Оказалось, что ее заперли в заброшенном курятнике на заднем дворе: против этого курятника было какое-то другое строение, куда и забрался Костлявый и там, никем не замеченный, приступил к задуманной им операции.

Он распорол дно одного мешка и пришил этот мешок к другому, чтобы удлинить его, затем вдернул в мешок веревку, чтобы его сразу можно было затянуть наглухо. Покончив с этим, он подошел к дверке птичника, которую неумоимо грыз Снарлейиоу, и дал ему понюхать и даже откусить хвост селедки. Затем, расперев свой длинный мешок подпорками и положив его на землю у самой подъемной дверки птичника, Костлявый положил на дно мешка селедку, запах которой доводил до бешенства Снарлейиоу. Подготовив таким образом свою ловушку, парень, держа одной рукой веревку мешка, другой приподнял дверцу курятника, – и жадная собака со всех ног кинулась к селедке и очутилась в мешке, который Костлявый тотчас же затянул крепко-накрепко, а потом втащил в то строение, где он скрылся сам, рассчитывая бросить своего недруга в канал, когда стемнеет.

Едва только успел Костлявый управиться с своим делом и, для большей правдоподобности, разломать часть решетчатой дверки курятника, чтобы придать делу такой вид, будто собака сама прогрызла решетку и вырвалась из курятника, как вдову потребовали в ее заведение, – и Ванслиперкен, оставшись один, решил воспользоваться этой минутой, чтобы навестить своего четвероногого приятеля. С этой целью он вышел на двор и застал во дворе Костлявого.

– Что вы здесь делаете, сэр? – спросил Ванслиперкен.

– Ожидаю вас, сэр, как вы изволили приказать.

– А собака где? – продолжал лейтенант, увидев обломки и щепки дверцы.

– Полагаю, что она прогрызла дверцу и ушла!

– Куда ушла?

– Не знаю, сэр, думаю, что к шлюпке! Снарлейиоу, услышав голос своего господина, взвыл в своем мешке. Костлявый помертвел от страха, но породная вдовушка как раз вовремя показала в дверях и ласково позвала Ванслиперкена, так что голос вдовы покрыл вой собаки, и лейтенант последовал за своей повелительницей, лишь наполовину убежденный в правдивости Костлявого.

Очутившись в уютной гостиной вдовы, Ванслиперкен вскоре забыл про собаку, но так как под вечер оргии в Луст-Хауз г-жи Вандерслуш все чаще и чаще требовали ее присутствия, то, зная это, Ванслиперкен всегда старался насладиться ее обществом в раннее время дня, а как только начинало темнеть, возвращался к себе на судно. Костлявый, наблюдавший за своим господином, увидев в окно, что Ванслиперкен подвизывает кортик – признак близкого ухода, – взвалил себе на плечи мешок с собакой и, выйдя к каналу, протекавшему перед фасадом дома вдовы, оглянулся кругом и швырнул мешок в стоячие воды канала как раз в тот момент, когда Ванслиперкен, простившись со вдовой, вышел на крыльцо.

– Кто тут? Это вы, Костлявый?

– Я, сэр! – отвечал бедняга, дрожа от страха.

– Что это за шум я слышал сейчас?

– Шум, сэр?! О, я кинул сейчас камень с мостовой в канал!

– А разве вы не знаете, что это строго воспрещается, сэр? – уже совершенно грозно крикнул лейтенант. – А где мешки из-под сухарей?

– Мешки?! Их взял мистер Шорт для какой-то поклажи!..

– А... Мистер Шорт, прекрасно! А теперь идите за мной, сэр, и не кидайте больше камней в воду! Ведь вы можете убить кого-нибудь! Смотрите, вот и сейчас там плывет лодка! – И

мистер Ванслиперкен торопливо направился к шлюпке, которая уже ожидала его, желая удостовериться, там ли его собака. Но, к великому его огорчению, собаки в шлюпке не было, и он сидел угрюмый и озабоченный на корме, размышляя о том, был ли то камень, что Костлявый швырнул в канал, или что другое, решив бесповоротно, что если собака не найдется, то он прикажет килевать Костлявого.

Глава IX. Жалобы, сожаления, песни и пляска

Понятно, что, едва ступив на палубу, лейтенант прежде всего осведомился, не вернулась ли на судно его собака. Встретил его совсем надлежащим почетом капрал ван-Спиттер, которому Обадиа Кобль вскоре передал начальство на судне, чтобы самому отправиться с остальными матросами на берег и присоединиться к своим товарищам в Луст-Хаузе гостеприимной вдовы. Отрицательный ответ капрала сильно опечалил Ванслиперкена, который уединился в свою каюту в самом скверном расположении духа, потребовав к себе Костлявого. Пока бедняга помогал ему раздеваться, на его долю выпал не один пинок, толчок и даже весьма чувствительный удар кортиком по голове.

Но прежде чем Костлявый был позван вниз к командиру, он успел уже шепнуть одному или двум из своих сообщников, что собаки нет, и что она пропала. Слух о том, что собака пропала, разнесся с быстротой молнии по всему судну и достиг ушей капрала ван-Спиттера, который, проследив этот слух до основания, открыл, что он исходил от Костлявого, и тотчас же отправился известить о том командира.

– Честь имею доложить вам, сэр, что я разузнал, что собака ваша пропала! – начал он.

– Это мне уже известно, капрал! – ответил досадливо Ванслиперкен.

– И я выследил, что слух об этом исходит от Костлявого!

– В самом деле?! Так это ты, негодяй, сообщил этот слух! Говори, где моя собака!

– Бога ради, сэр, – взмолился Костлявый, – я действительно говорил, что она пропала, да так оно и есть, но я ведь не говорил, что знаю, куда она девалась. Убежала и завтра, верно, вернется, я уверен, что она вернется!

Лейтенант Ванслиперкен грозно сдвинул брови и обратился к капралу, не взглянув даже на Костлявого.

– Если завтра поутру к восьми часам моя собака не вернется, то вы, капрал, позаботитесь о том, чтобы были сделаны все необходимые приготовления для килевания этого мерзавца!

– Слушаю, Мунхеер! – ответил капрал, весьма довольный тем, что ему поручили принять на себя выполнение жестокого наказания.

– Это очень обидно, сэр, что я должен терпеть из-за этой собаки! Ну, чем я виноват, если она утонула в канале! И если ей вздумалось пойти ко дну, так за что же меня подводить под дно этого куттера? – плакался Костлявый.

– Молчать! Я научу вас, сэр, швырять камни в канал! Прочь отсюда! – громко прикрикнул Ванслиперкен, и Костлявый поспешил убраться.

Лейтенант же кинулся на свою койку и долго ворочался, придумывая различные планы мести.

Тем временем в Луст-Хаузе, или «доме веселия» в точном переводе, действительно, шло веселье. В большой, ярко освещенной и хорошо натопленной зале было шумно и весело. Эти голландские Луст-Хаузы вовсе не похожи на те портерные – тесные, темные, грязные, где собираются в портовых городах матросы, чтобы пропить и проиграть свои деньги. Здесь все было опрятно, прилично и весело. Вокруг комнаты стояли маленькие столы, накрытые белыми скатертями, кругом них – стулья; середина же залы оставалась свободной для танцующих. В дальнем конце залы, на возвышенной эстраде, помещалось человек пять-шесть музыкантов, которые в продолжение всего вечера играли по желанию посетителей танцы или песни. Между столиками сновали продавщицы орехов, табаку, круто сваренных яиц и разных безделушек, предлагая свои товары. Служанки Луст-Хауза проворно разносили гостям пиво, водку и всякие спиртные напитки. Танцевали здесь и старые, и молодые женщины и девушки, даже девочки-подростки, так как зайти потанцевать в Луст-Хауз здесь не считается предосудительным, и жители квартала заходили сюда повеселиться, а хорошенькие продавщицы – попытать счастья

изловить себе мужа из числа этих добродушных веселящихся матросов. Собирающаяся здесь толпа была до того пестра и разнородна по возрасту, платью и языку, что можно подумать, что находишься в маскарade. Чины полиции наблюдали за порядком, немедленно пресекая всякую ссору и удаляя всякого нарушающего порядок и приличия. Вообще здесь наблюдалось не только приличие, но замечалась даже некоторая щеголеватость, особенно среди посетителей.

Здесь, за двумя сдвинутыми вместе столиками, расположились люди экипажа с куттера «Юнгфрау». Зала была полна, но не переполнена; пиво лилось рекою, служанки не успевали разносить; соседи по столикам обменивались между собою шутками, чокались, смеялись, угощали друг друга сладостями и орехами, зашучивали с бойкими продавщицами. Когда замолкли музыканты и прекращались на время танцы, кто-нибудь начинал наигрывать на своей скрипке или гитаре и запевал какую-нибудь песню, а другие слушали среди всеобщей тишины, где надо подпевая вполголоса или подхватывая хором. Потом сыпались одобрения и новые шутки, и наступала очередь следующего добродушного певца.

Больше всех подвизался на этом поприще Джемми Декс; все его здесь знали, любили и его, и его песни. Шорт все больше молчал и покуривал трубку, любясь, как веселятся вокруг него, и с истинным удовольствием слушая веселые и лихие матросские песни. В одной из них говорилось о том, каково будет жить в раю всем добрым морякам.

– Надеюсь, – сказал Билли, – что нашего шкипера и его собаки мы там не встретим!

– Нет! – подтвердил Шорт.

– Нет, нет, добрый моряк – это человек с чистым сердцем, спокойной совестью и открытой душой, смелый, честный и беззаботный, а этого его собака, как слепца, поведет в другое место! – уверял Кобль.

– Туда, откуда явилась эта собака! – дополнил мысль своего друга Янсен.

В этот момент музыка снова заиграла, и танцы снова начались.

– Отчего ты, Джемми, не покружишь какой-нибудь девчонки? – спросил Обадия Кобль.

– Да, оттого, что я не могу, мои циркуля недостаточно длинны, чтобы описать круг, точно так же, как и твои, Оби, слишком жидки и слабы, чтобы поддержать одно твое тело, а уж волочить за собой другое и подавно!

– Да, правда, друг! Я становлюсь стар! Лет 40 тому назад я был моложе, дружище, а теперь пора и на покой! Хочу проситься в рабочие в один из лондонских доков по части оснастки и винтов!

– Да, это дело, старик! Довольно ты на своем веку наскитался по морям. А пока мистер Шорт, быть может, одолжит нам шепотку табаку!

Шорт, ни слова не говоря, достал свою табачницу и передал товарищам, а затем так же молча закрыл ее и положил обратно в карман.

Становилось поздно. Чины полиции уже шепнули вдове Вандерслуш, что пора закрывать ее Луст-Хауз, и, как ни жаль было вдове прекращать это веселье, как ни обидно распускать по домам таких доходных гостей, пришлось-таки дать знак музыкантам, чтобы они, доиграв вальс, сложили свои инструменты и шли по домам.

Это было сигналом, что и гостям пора расходиться, и действительно, четверть часа спустя большой зал опустел. Гости разошлись, но не все. Когда музыканты ушли и двери и ставни дома были заперты наглухо, осталась еще небольшая группа людей допивать свое пиво в мирной беседе, при условии, что никакого нарушения общественной тишины и порядка не произойдет; полиция не возбраняла им оставаться здесь и несколько дольше.

В числе этих оставшихся была и компания с куттера «Юнгфрау», к которой присоединились несколько человек американских и германских матросов. И опять пошли песни; главным запевалой был тот же Джемми; остальные подхватывали дружным хором припев, а иногда даже сопровождали его хлопаньем в ладоши и притоптыванием каблуков. Наконец пора было

и отправляться на судно; так думала и вдова Вандерслуш, начавшая дрожать за стеклянные подвески своих подсвечников и канделябр; так думала и толстая Бетти, зевавшая втихомолку, устав смеяться веселым и забавным песням Джемми; так думали и сами веселые моряки и, наконец, благополучно отплыли из Луст-Хауза с Джемми во главе, который всю дорогу вплоть до шлюпки наигрывал им на ходу веселые мотивы. К счастью, ни один из них по пути не свалился в канал, а десять минут спустя все они были уже на судне. Но несмотря на поздний час товарищи не дали им растянуться на койках, не сообщив каждому в отдельности важной, сенсационной вести, что Снарлейиоу пропал.

Глава X. Что такое килеванье, и как Снарлейиоу спас Костлявого от потопления, несмотря на то, что Костлявый хотел утопить его

Утро было пасмурное; дул свежий норд-вест¹⁶. В воздухе порхали редкие снежинки, предвестники сильного и частого снега. Палуба отсырела. На вахте стоял Шорт и зяб в своей форменной горохового цвета куртке. Из люка высунулись воловья голова и плечи капрала ван-Спиттера, а за ними появилась наверху и вся его монументальная фигура. Осмотревшись кругом, он, очевидно, остался недоволен погодой. Что же заставило его выбраться в такую рань наверх? На это утро назначено, согласно распоряжению командира, в том случае, если Снарлейиоу не вернется со шлюпкой, высланной на берег за свежим провиантом, килевание Костлявого.

Так как теперь этот обычай совершенно вывелся во флоте, и даже за самые страшные проступки виновные не наказываются килеванием, то не мешает несколько ознакомиться с этим своеобразным приемом; Заключается он в том, что какого-нибудь беднягу отправляют совершить подводное путешествие и исследовать во всю длину киль судна, спустив его для этого с носовой части и протянув веревками к корме, где он появляется у якорных цепей обыкновенно совершенно задыхающимся, но не от усиленного движения, а от того, что пробыв столько времени под водой, несчастный истощил весь свой запас воздуха и дышать ему было нечем. Без сомнения, в этом в способе наказания есть и свои достоинства: люди слишком часто склонны роптать на жизнь на судне. Но побывав хотя раз под судном и испытав все неудобства пребывания там, начинаешь особенно ценить преимущества пребывания на палубе.

А неудобства в первом случае весьма существенные, надо заметить: прежде всего вы лишены воздуха, затем принуждены наглотаться до пресыщения соленой морской воды, наконец, надо принять в соображение, что в ту пору, когда килевание было в ходу, суда не обшивались в своей подводной части медной или стальной броней, а весь киль был сплошь унизан различными ракушками, по большей части раскрытыми, с заостренными, точно зубья пилы, краями, которые резали в тысяче местах тело, руки, ноги и лицо наказуемого, так что появлялся он на поверхности весь окровавленный и израненный, зачастую с совершенно изуродованным лицом. Впрочем, люди компетентные уверяли, что это кровопускание даже полезно, так как благодаря потере крови, наказанный, если он не совсем захлебнулся и не успел еще испустить последнего вздоха, поправлялся. По уверению голландцев, из трех раз один раз наказанный оставался жив, т. е. приходил в себя, но впоследствии всю жизнь помнил свое подводное путешествие. Честь этого изобретения принадлежит голландцам, и, я надеюсь, никто не хочет оспаривать ее у них. Голландцы, известные своим флегматическим характером, во всех случаях, когда дело шло об утонченных пытках и мучениях, оказывались несравненно изобретательнее других, более живых и изобретательных наций.

Но капрал ван-Спиттер был человек вовсе не изобретательный и даже не сообразительный, и потому стоял на палубе, поворачиваясь во все стороны и положительно не мог придумать, как ему справиться с заданной ему командиром задачей. Как протянуть веревки под килем судна? Ну, еще те, что пойдут по бортам, можно будет как-нибудь приладить, а как провести от носа и от кормы, как тянуть на них человека?

Сколько ни думал, сколько ни потел капрал, для которого малейшее напряжение мысли было мучительной пыткой, ничего не мог придумать и положительно не знал, как взяться за дело.

¹⁶ северо-западный ветер

– Тысяча чертей! – воскликнул он, наконец, утирая со лба пот голубым платком и стуча кулаком в свой широкий бычачий лоб. – Сто тысяч чертей! – продолжал капрал после пяти минут размышления. – Двести тысяч чертей! – бормотал он, свирепо сдвинув брови и снова ударяя себя в лоб, но стучал напрасно, как в дверь пустого сарая, откуда ему никто не отзывался, и, наконец, глубокий вздох вырвался из его богатырской груди. Он, кажется, призвал к себе на помощь всех чертей преисподней, но, вероятно, все они были заняты каким-нибудь другим делом, и никто из них не захотел помочь ему, хотя дело его было, бесспорно, дьявольское.

Но почему же капрал не обратился к содействию кого-нибудь из людей экипажа, преимущественно же к вахтенному начальнику? Ведь это было дело служебное. Он знал, что это будет напрасно, знал, что весь экипаж от мала до велика стоял на стороне Костлявого, и что никто не захочет ему помочь, и потому решился прибегнуть к ним только в самом крайнем случае, но теперь, истощив все свои ресурсы, скрепя сердце, подошел к Дику Шорту, который все время наблюдал за ними молча, и обратился к нему со следующими словами:

– Пожалуйста, мингер Шорт, мингер Ванслиперкен приказал вчера килевать этого парня! Объясните мне, как это надо делать:

Шорт взглянул на капрала, но ничего не сказал.

– Мингер Шорт, я имел честь повторить вам приказание мингера Ванслиперкена!

Шорт опять-таки ничего ему не ответил, но, перегнувшись через перила люка, позвал: «Джемми!»

Джемми соскочил с своей койки и появился на нижней палубе.

Капрал подумал, что Шорт собирается при посредстве Джемми удовлетворить его требованиям, и стал терпеливо ждать.

– Людей! – откомандовал Шорт. Джемми вызвал свистком команду наверх.

– Шлюпку! – сказал Шорт, указав глазами на маленькую шлюпку, подвешенную на корме.

Так как все это походило на приготовления к килеванию, то капрал был весьма доволен. Когда шлюпка была спущена, Шорт сказал, указав рукой по направлению берега: «Мясо».

Кобль отлично понимал его приказания и не требовал никаких дальнейших пояснений, а без рассуждений отпихнулся от судна и поехал за провиантом, а Дик Шорт продолжал ходить мерным шагом взад и вперед по палубе.

Заметив свою ошибку, капрал снова подошел к нему.

– Мингер Шорт, вы, пожалуйста, все приготовьте!

– Нет! – ответил Шорт грозно и отвернулся от капрала.

– Разрази Бог, да ведь это бунт! – пробормотал капрал и тотчас же направился вниз доложить лейтенанту о положении дел наверху.

Мистер Ванслиперкен уже встал. Всю ночь он не мог заснуть от тревожных соображений, а когда, наконец, заснул на час, то страшный кошмар не переставал мучить его вплоть до полного пробуждения. Ему снилось, что он истощил все усилия, чтобы утопить Костлявого, но все напрасно: едва только парень как будто умирал, как снова оживал. Ему казалось, будто душа Костлявого превратилась в маленькое, юркое существо, вроде крошечного мышонка. Едва только он выгонял этого зверька изо рта, как тот влезал в ухо Костлявого, а когда он выгонял его через ноздрю, тот проникал сквозь большой палец ноги, доводя Ванслиперкена до отчаяния, так что он лежал, обливаясь потом. Затем картина менялась, – и совершенно оживший Костлявый бил его, а также вдова Вандерслуш, даже Снарлейиоу кусал его. Наконец он упал с громадным камнем на ногах в воду и на этом проснулся. Понятно, что такого рода сны не освежили и не успокоили лейтенанта Ванслиперкена, и когда он поутру стал бриться, что делал ежедневно, то руки у него дрожали, и он дважды сильно порезался, что тоже не могло способствовать его доброму расположению духа. И вот, к довершению бед, еще явился капрал с донесением о странном поведении старшего офицера. Никогда еще лейтенант Ванслиперкен

не доходил до такой степени бешенства, как в этот момент. Наскоро накинув на себя платье, он выбежал на палубу и приказал Джемми свистать всех наверх на килевание.

Джемми приложил свой свисток к губам и высвистнул нечто, похожее на «всех наверх, всех килевать!» Лейтенант, хотя и заметил это искажение своего приказа, но счел за лучшее сделать вид, что ничего не заметил. Одна старинная английская пословица говорит, что можно лошадь насильно привести к водопою, но нельзя ее заставить пить; так вышло и здесь; все люди выбежали наверх и стояли, как вкопанные; никто не шевельнулся, не трогался с места; только один Костлявый проявил некоторое усердие и расторопность. Услыхав, что свистят всех наверх, он бегом вылетел на палубу, махая руками и выпучив глаза, стараясь угадать, что следует делать и в чем помочь. Но капрал, который, судя по быстроте его движений, полагал, что парень хочет броситься за борт, чтобы избежать страшного наказания, схватил его на бегу за шиворот и, держа его левой рукой, взял правой под козырек и объявил лейтенанту: «Осужденный приведен!»

Это вернуло лейтенанта Ванслиперкена к действительности; он прервал свое хождение по палубе и на секунду глубоко призадумался.

– Все там готово на носу? – грозно спросил он. Никто не отвечал.

– Боцман, я спрашиваю, все ли готово?

– Нет, сэр, – ответил Джемми, – никто не знает, что надо делать; я – тоже: я никогда не видал ничего подобного за все время своей службы. Весь экипаж до последнего человека говорит то же самое!

Поняв из этого ответа, что команда отказывается ему повиноваться, лейтенант подозвал шестерых солдат и, приказав им следовать за собой, заставил их готовить канаты, а другим приказал вывести вперед Костлявого.

– Бога ради, сэр, что вы хотите со мной делать? – взмолился бедняга, только теперь сообразив, что дело, кажется, не на шутку доходит до килевания.

– Раздеть его! – приказал Ванслиперкен.

– Раздеть меня?! – запротестовал Костлявый. – В такой-то холод, когда снег валит хлопьями! Да разве мне и так не достаточно холодно?

– Тебе будет еще холоднее там, под килем, мерзавец! – заревел на него лейтенант.

– Господи, до что же я сделал?! – воскликнул Костлявый в то время, как солдаты стаскивали с него платье и обнажали его иссохшее, истощенное тело.

– Где моя собака? Сознаться сейчас!

– Да как же я это могу знать?! И чем я виноват, что ваша собака сбежала! За что же меня-то тащить под киль?

– Я научу тебя, как швырять камни в канал, негодяй! – заскрежетал на него зубами Ванслиперкен.

– Бог с вами, сэр, делайте со мной, что хотите, но если уже хотите убить меня, так делайте это скорее! Я все равно знаю, что не вернусь живой!

Тут мистеру Ванслиперкену припомнился его сон, и он начинал уже опасаться, что и килевание не поможет ему извести этого парня.

Под руководством самого лейтенанта солдаты делали приготовления к килеванию, тогда как вся команда куттера в полном сборе стояла неподвижно, не шевельнув пальцем, чтобы помочь. Каждый из боковых канатов привязывался к правой и левой руке несчастного, а вокруг пояса был обмотан другой канат о двух концах, причем было приказано не тянуть слишком сильно кормовой канат, чтобы наказанный дольше оставался под водой.

В тот момент, когда капрал ван-Спиттер поднял тщедушное, посиневшее от холода тело Костлявого. Ванслиперкен вдруг одумался и захотел выпытать у Костлявого, где его собака.

– Слушайте, сэр, – сказал он, – если вы хотите избежать этого наказания, скажите мне, что случилось с моей собакой! Я знаю, что это вам известно, и даю вам 10 минут на размышление!

Теперь снег падал так часто, что трудно было даже различить длину судна; нагое тело положенного теперь на доски палубы Костлявого сразу запорошило и затем в несколько минут покрыло густой пеленой, точно саваном. Он лежал неподвижно, временами трясая головой, чтобы стряхнуть снег с лица, и молчал; только злая улыбка на мгновение мелькала у него на губах.

– Ну, что же, сэр, скажете вы мне, где моя собака, или я вас сейчас за борт?! – повторил лейтенант.

– Нет, не скажу! – отозвался Костлявый.

– А ты знаешь, негодяй, где она?

– Знаю!

– И не скажешь?

– Нет! – крикнул Костлявый. – Ни за что, никогда!

– Капрал, за борт его! – заревел уже совершенно обезумевший от бешенства Ванслиперкен, как вдруг среди экипажа раздался громкий, испуганный крик, и, к неопisanному удивлению Ванслиперкена, капрала, а главным образом Костлявого, на бак вбежал Снарлейиоу, кинулся к Костлявому, которого уже поднял и держал в воздухе ван-Спиттер, укусил его в икру и затем громко и гулко рявкнул по своей всегдашней привычке: «Boу!» «Boу!» «Boу!»

Появление собаки в этот момент произвело немалое волнение. Ванслиперкен понял, что теперь у него нет уже основания килевать несчастного парня, что ему было столь же неприятно, сколь было приятно видеть вновь свою собаку. Капрал тоже, видимо, был очень разочарован; что же касается Костлявого, то, услышав лай собаки, он вскочил на колени, посмотрел на нее блуждающими глазами, как будто это было какое-нибудь привидение, и вдруг запрокинулся в глубоком обмороке. Весь экипаж судна был поражен; матросы молча переглядывались друг с другом, и только Янсен пробормотал вполголоса:

– Видно, эта собака – не собака! Ванслиперкен приказал унести Костлявого вниз, затем направился к кормовой части палубы. Встретив по пути Кобля, он осведомился, откуда явилась собака, и услышал, что она прибыла с шлюпкой, ходившей за мясом и свежим провиантом. На это Ванслиперкен не сказал ни слова и пошел в свою каюту, сопровождаемый по следам тем же Снарлейиоу с низко опущенной головой и защемленным между задними ногами хвостом.

Глава XI. Снарлейиоу не содействует видам своего господина на вдову Вандерслуш

Вот каким образом спаслась от смерти собака лейтенанта, которую Костлявый, завязав в мешок, швырнул в канал. Как тогда же заметил Ванслиперкен, вблизи того места, где упал в воду мнимый камень Костлявого, шла лодка, и находившиеся в ней люди, отец и сын, не могли не заметить всплеска воды в нескольких саженях впереди их лодки.

Очутившись в воде, Снарлейиоу стал барахтаться и выбиваться, благодаря чему не сейчас пошел ко дну, и люди в лодке зацепили багром мешок и притянули его к себе как раз в тот момент, когда животное, выбившись из сил, начинало тонуть.

– Что это может быть? – спросил отец.

– Кошка или собака, Бог знает, но мешок во всяком случае может пригодиться!

Втащив к себе мешок в лодку, они положили его на дно и вскоре причалили, затем, развязав мешок, вытряхнули из него собаку и оставили ее тут же на мостовой, а мешок забрали с собой и ушли. Вскоре очнулась и собака, и как только смогла держаться на ногах, поплелась к дому вдовы Вандерслуш и принялась выть у нее под окном. Почтенная вдова только что успела раздеться и читала на сон грядущий молитвенник, как и подобает каждому, кто в продолжение всего дня надувал и обманывал людей, чтобы сколотить лишнюю копейку, и готовилась уже загасить свечу, когда до ее слуха достигли звуки импровизированной серенады. По мере того, как к Снарлейиоу возвращались силы, вытье его становилось положительно нестерпимым. Раздраженная этим воем вдова решила разбудить толстую Бабэтт, которая спала, как говорится, «без задних ног», и приказала ей, вооружившись здоровой метлой, прогнать воющую под окном собаку. Бабэтт послушно направилась к выходной двери, но едва отворила ее, как Снарлейиоу с размаху ворвался в сени, проскользнув у нее между ног и чуть не повалив ее на кирпичный пол сеней. Служанка громко вскрикнула, и хозяйка вышла в сени посмотреть, что случилось, но в этот момент собака, не попав в запертую дверь гостиной, сбежала по лестнице, ворвалась в спальню вдовы и забилась под ее кровать.

– Oh, mein Gott! Да ведь это собака лейтенанта! – воскликнула Бабэтт. – Что мы теперь будем делать, как выживем ее отсюда? – говорила она, подымаясь в спальню своей госпожи с метлой в руках.

– Пусть бы тысяча чертей побрала этого лейтенанта вместе с противной собакой! – воскликнула вдова. – Ты ее хорошенько метлой, Бабэтт!

– Да, мам¹⁷! – отозвалась Бабэтт, со всей силы размахиваясь метлой по собаке, но от Снарлейиоу не так-то легко было отделаться: она вцепилась зубами в метлу и тащила ее к себе, а Бэттси, или Бабэтт, к себе; наконец, собаке надоела эта возня, и, выпустив метлу, она вцепилась в голые ноги служанки. Та громко вскрикнула, выпустила метлу из рук и схватилась обеими руками за укушенное место.

– Ah, mein Gott! mein Gott! – восклицала вдова, ломая руки.

Надо заметить, что к последние годы своей жизни покойный супруг вдовы был страшно толст, и потому кровать была заказана необычайно широкая. Вдова сохранила эту кровать, так как не рассчитывала всегда оставаться одинокой. Кровать эта занимала полкомнаты, и выгнать из-под нее собаку было нелегко. Раздраженная укусом Бабэтт, как только первый момент острой боли прошел, схватила опять метлу и с бешенством стала гнать ею собаку из-под кровати. Дверь в сени с умыслом была оставлена открытой, дверь на улицу также, но случилось совершенно иначе, чем они предполагали: выведенная из себя собака, вместо того, чтобы

¹⁷ мадам

выбежать в дверь, кинулась в ноги г-жи Вандерслуш, изорвала в клочки ее ночную рубашку, единственное одеяние, прикрывавшее ее наготу, и укусила ее в икру. Почтенная вдова громко вскрикнула от боли и попятилась к двери, оставленной полуоткрытой, наткнулась на нее и захлопнула ее своим весом, а Снарлейиоу снова бросился под кровать и оттуда возобновил свои атаки на голые ноги Бабэтт.

Наконец то, чего не могли добиться мужеством эти женщины, достигли страхом. В первый момент испуганная собакой вдова Вандерслуш хотела бежать вниз и уже отворила дверь, во вдруг заметила, что вся рубашка на ней изодрана в клочья и что в таком виде никуда бежать нельзя, и в порыве отчаяния бросилась на середину кровати, восклицая: «Ах, мингер Ванслиперкен! Мингер Ванслиперкен!». Почти в тот же момент зубы Снарлейиоу с новой силой впилась в икры Бабэтт, которая, громко вскрикнув, также вскочила на кровать, ища спасения, и чуть не придавила свою госпожу. Кровать, служившая 30 лет верой и правдой супругам Вандерслуш, а затем и вдове, не выдержала такой двойной тяжести, и тяжелый матрац со всеми перинами и подушками провалился и очутился на полу, придавив собаку. Та громко взвизгнула и стала рваться из-под постели, но грузнейшая часть тела вдовы так сильно придавила ей хвост, что она рисковала проститься с ним навсегда. Между тем Бабэтт, пользуясь критическим положением Снарлейиоу, принялась беспощадно колотить ее метлой. Собака пробовала кусаться, но прокусить толстый матрац было довольно трудно. Она рвалась изо всей силы. Наконец ей удалось высвободить свой хвост, и она без оглядки кинулась к двери, а оттуда в сени и на улицу, убедившись, что здесь ей нельзя рассчитывать на покойный ночлег. Бабэтт погналась за ней до самых дверей улицы, швырнула ей вслед метлу и затем задвинула все запоры и только тогда вздохнула с облегчением.

– Экая bestия! Наконец-то она убралась! – произнесла она, возвращаясь в спальню своей госпожи, которая не без труда выбралась из ямы, образовавшейся в провале кровати, и кляня, на чем свет стоит, и лейтенанта, и его собаку, приказала подать себе другую рубашку, а переодевшись, стала плакаться над своей пострадавшей кроватью. Но Бабэтт утешила ее, что дело еще не так плохо, что порвался только веревочный переплет, на котором лежал матрац, и что горю пособить легко, и тут же, принеся новые прочные веревки, привела постель в надлежащий порядок.

– И этот Ванслиперкен смеет думать, что я пойду за него замуж! Да я скорее выйду замуж за его тощего пса! Этакая сушеная треска! Еще туда же, позволяет себе говорить о своей любви, ухаживать за порядочной женщиной и отказывается повесить на первом крюке этого паршивого пса!.. – не унималась разгневанная вдова, пока Бабэтт возилась с ее кроватью.

Когда все было готово, вдова Вандерслуш снова улеглась на свою постель, бормоча себе под нос: «Еще смеет думать о браке... погодите только, мингер Ванслиперкен, погодите до завтра... Я вам покажу!..»

Глава XII. Повсюду принимаются решения, а Джемми Декса обвиняют в бунте

Что делал и где был Снарлейиоу с того момента, когда его так неласково выпроводил и из дома вдовы Вандерслуш, до того времени, когда он вскочил в шлюпку, посланную за мясом, – неизвестно.

В эту ночь почтенная вдова спала плохо; вся душа ее возмущалась против лейтенанта Ванслиперкена и его собаки, и жажда мщения наполняла ее сердце. Но посещения экипажа «Юнгфрау» были настолько выгодны для вдовы, что вскоре она несколько успокоилась и решила, что вместо того, чтобы запереть навсегда перед носом лейтенанта дверь своего дома, она потребует, чтобы Ванслиперкен положил труп этой собаки к ее ногам, если хочет, чтобы его допустили войти в святилище его богини. Она имела на то право, и если лейтенант искренно любит ее, то, несомненно, исполнит ее требование; если же нет, то из этого отнюдь не следует, что экипаж «Юнгфрау» прекратит посещения ее Луст-Хауза, так как хитрая вдовушка успела заметить, что лейтенант Ванслиперкен пользовался весьма слабым влиянием на них, и что весь экипаж до последнего человека от души ненавидел его и его собаку. Приняв такое решение, вдова Вандерслуш совершенно успокоилась.

На куттере же появление Снарлейиоу произвело не меньшее волнение, чем в доме вдовы. Матросы и весь экипаж видели в этом нечто сверхъестественное, так как Костлявый успел подробно рассказать все, что он проделал с ненавистной собакой. Матросы перешептывались; старый Обадиа многозначительно покачивал головой, а Янсен повторял:

– Эта собака – не собака! – Только Костлявый и Декс не смущались: первый из них решил, что будь это собака или хоть сам дьявол, а он не успокоится, пока не покончит с этой гадиной, и что если это на самом деле чертов дар и исчадие ада, то его долг, как христианина, уничтожить его и сжить со света.

Погода стояла холодная, снег не переставал падать. Весь экипаж собрался внизу, только Джемми стоял с подветренной стороны и под впечатлением, навеваемым на него погодой, затянул песенку, в которой говорилось про такую же непогоду и выражался ропот девушки на командира, пославшего ее возлюбленного в море в такую бурю. При этом по адресу Ванслиперкена было послано в песне несколько нелестных эпитетов.

– Mein Gott! Да это настоящий бунт! Смеет называть мингера лейтенанта такими словами! – заявил капрал, незаметно приблизившийся к Джемми, подслушав его песню.

– Бунт! В самом деле? – огрызнулся Джемми. – Поди же передай еще и это: я бы повесил и тебя. Ты ожиревший вор, капрал!

– Все лучше и лучше, то есть, я хотел сказать, все хуже и хуже! – сказал капрал.

– Уходи подобра, а то, смотри, я вышвырну тебя за борт, подлый наушник!

– Это еще того хуже! – заявил ван-Спиттер и зашагал по направлению к корме судна. Здесь он не преминул доложить о случившемся командиру, но тот, сознавая, что малейшего пустяка будет теперь достаточно, чтобы вызвать на куттере открытый бунт, решил оставить это дело без последствий. Возвращение Снарлейиоу настолько радовало его, что делало на этот раз более снисходительным. Не подозревая, каких бед натворил в предыдущую ночь его любимец, он решил, несмотря на метель и бурю, посетить вдову Вандерслуш и доказать ей тем самым свои нежные чувства, которые не могут устоять даже и против такой непогоды. Заперев предварительно свою собаку в каюте и поручив ключ от нее капралу, он отправился на берег и явился к дверям дома вдовы. Ему отворила Бабэтт, и своей тучной особой загородив вход, не стала дожидаться, когда с ней заговорил лейтенант, а сама заявила ему:

– Мингер Ванслиперкен, вы не можете войти сегодня. Фрау Вандерслуш очень больна и лежит в постели. Доктор говорит, что дело опасно! Вы не можете ее видеть сегодня!

– Больна? Ваша прекрасная, очаровательная хозяйка больна! Боже правый! Что же с ней случилось?

– Все из-за вас или из-за вашей мерзкой собаки, это одно и то же!

– Из-за моей собаки! Я и не знал, что она осталась здесь. Бога ради, Бабэтт, впустите меня, а то снег падает хлопьями, и в такую метель неприятно стоять на улице! – сказал Ванслиперкен.

– Все это так, но впустить вас я не могу! – и служанка оттолкнула его от двери.

– Боже правый! Да что же это такое?

Тогда Бабэтт подробно рассказала лейтенанту все события предыдущей ночи, не щадя красноречия. К тому времени, когда она кончила, Ванслиперкена совершенно занесло снегом. В заключение служанка отвернула своей грубый чулок и показала ему раны от зубов Снарлейиу на своей икре, а после таких очевидных доказательств правдивости ее слов передала поручение своей госпожи, что до тех пор, пока труп Снарлейиу не будет положен мингером Ванслиперкеном к ее ногам или к порогу ее дома, мингер Ванслиперкен не будет допущен в этот дом. Закончив этим блистательным финалом свою речь, Бабэтт, которой наскучило уже говорить под вой метели, без церемонии захлопнула дверь перед самым носом лейтенанта Ванслиперкена, предоставив ему переваривать поднесенное угощение, как ему будет угодно. Полный бешенства, Ванслиперкен зашагал, невзирая на метель, вдоль улицы, мысленно обсуждая вопрос: «быть или не быть»? Отказаться ли от вдовы или от возлюбленного Снарлейиу, от собаки, которую все ненавидели, которая не имела за собой ни одного качества, которая поминутно вводила его в неприятности и в силу всего этого была ему вдвое дороже, или же от вдовы, у которой было столько червонцев в банке и такой хороший доход с ее Луст-Хауза, обладание которой было тем райским сном, который он лелеял в своем воображении.

Но расстаться как с своей собакой, так и с своей мечтой стать мужем и законным обладателем вдовы и ее червонцев он был не в силах. Наконец после некоторого размышления он пришел к такому решению: «Я уверю вдову, что пожертвовал для нее своей собакой, а потом, когда стану ее обладателем, когда она и ее червонцы будут уже в моих руках, моя собака снова появятся, и тогда пусть г-жа Вандерслуш попробует поговорить со мной, если посмеет: я живо усмирю ее по-своему и заставлю припомнить все наши теперешние ссоры». Так рассуждал лейтенант Ванслиперкен, подходя к ожидавшей его шлюпке. Но эти приятные размышления были прерваны неприятным случаем: лейтенант, ослепленный своими планами мести, наткнулся на фонарный столб и разбил себе нос, что, конечно, не могло способствовать хорошему расположению духа, а потому и его мысли, все еще не расстававшиеся со вдовой Вандерслуш, были не особенно нежного характера.

– Погодите, фрау Вандерслуш, погодите! – шептал он. – Вы желали бы убить мою собаку! Ну так я же устрою вам такую собачью жизнь, когда вы станете моей, что вы сами не возразитесь! Вы вчера выманили у меня сухари! Прекрасно! Я выманю у вас ваши червонцы, и мы увидим, как вы тогда запляшете! – С этими словами мистер Ванслиперкен сел в свою шлюпку и вернулся обратно на судно.

Здесь он застал посланного от любящих кузенов и кузин короля, привезшего на куттер ответные благодарственные письма и приказание немедленно отправляться в обратный путь. Это было как нельзя более кстати для лейтенанта. Он написал длинное и чувствительное послание вдове, в котором уверял ее, что готов не только повесить свою собаку ей в угоду, но даже и самого себя, если она того пожелает. Затем следовали горькие сожаления о том, что придется покидать гостеприимный берег, и тонкий намек на то, что при возвращении он надеется застать ее более благосклонной к нему. Прочитав это письмо, вдова Вандерслуш скорчила презрительную гримасу и сказала:

– Ба! Я не вчера родилась! Меня не так-то легко провести!

Глава XIII. Весь экипаж поет хором, а капрал поневоле отправляется в одинокое плавание

Мистер Ванслиперкен находился в своей каюте вместе с своим возлюбленным псом. Лейтенант, по-видимому, чрезвычайно был недоволен: недоволен вдовой Вандерслуш, недоволен всем экипажем, недоволен собакой и самим собой. Но все же таки к собаке он относился более снисходительно, так как сознавал, что если есть на свете живое существо, питающее к нему хотя слабую привязанность, так это собака, которая еще сверх того ненавидит положительно всех, что также увеличивает ее цену в глазах лейтенанта. – Да, бедная моя собака, – ласково шептал он, глядя ее по голове, – они хотят во что бы то ни стало лишить тебя жизни, сжить тебя со света, но твой господин защитит тебя и не даст в обиду, будь покойна!

Снарлейиоу, точно поняв смысл его слов, поднялся на задние ноги и, положив передние лапы на колени своего господина, стал ластиться к нему. При этом Ванслиперкен заметил, что один глаз у его собаки вспух и совершенно закрылся. Присмотревшись поближе, он с ужасом убедился, что глаз этот был выбит вон, вероятно, метлой, которой угощала собаку Бабэтт.

– Будь она здесь, эта проклятая девка, я бы так ее угостил, что она у меня всю жизнь бы не забыла! – заскрежетал Ванслиперкен зубами по адресу толстой служанки. – Бедная, бедная моя собака, – продолжал он и поцеловал отвратительного пса в распухший глаз, и чего не было с ним с самого детства, случилось теперь: Ванслиперкен заплакал над своей собакой, которая по своим качествам не стоила даже веревки, на которой следовало ее повесить.

Немного успокоившись, лейтенант позвонил и потребовал теплой воды, чтобы промыть глаз своего любимца. На зов явился капрал ван-Спиттер, так как после утренних приготовлений и событий бедняга Костлявый не вставал с своей койки.

Вернувшись с теплой водой, капрал не преминул доложить еще раз, в каких оскорбительных выражениях пел про командира и адмирала Джемми Декс; и крошечные глазки Ванслиперкена сверкнули злобой.

На это капрал не мог ничего ответить, но было несомненно, что Декс оскорбительно отзывался о своем начальстве. А г. Ванслиперкен питал сильную ненависть к Джемми то, что его все любили и что он весел и забавлял весь экипаж; лейтенант же не мог простить, чтобы кого-нибудь любили и чтобы кто-нибудь способствовал счастью и веселию других, а на этот раз он еще чувствовал необходимость сорвать на ком-нибудь свою злобу и потому, расспросив кое о чем капрала, отпустил его, приказав прислать к нему одного из его солдат, чтобы примачивать глаз Снарлейиоу, а сам надел шляпу, захватил свой рупор и поднялся наверх.

Убедившись, что ветер неблагоприятный, и что часа через два совсем стемнеет, Ванслиперкен решил, что выйдет в море завтра утром, а сегодня он еще сумеет наказать Джемми Декса. Но теперь являлся вопрос, мог ли он это сделать? Был ли Джемми Салисбюри по закону боцман или нет? Он в действительности получал содержание только помощника боцмана, но в судовых документах числился боцманом, следовательно, офицерским чином, а получал он содержание помощника ввиду личных выгод командира. Положение было затруднительное; тем не менее Ванслиперкен решил подвергнуть Джемми порке, если только это ему будет возможно сделать.

Мы говорим: «если это будет возможно», так как в те годы, когда во флоте допускался полный произвол начальства, и никакие жалобы подчиненных не принимались морскими властями, на субординацию экипажа тоже трудно было рассчитывать. На больших военных судах, в противовес экипажу, находился сильный отряд сухопутных солдат, которые могли во всякое время поддержать власть командира, в крайнем случае даже силой оружия, но на мелких судах было совсем другое дело. На судах, которыми командовал лейтенант Ванслиперкен, не раз

происходил бунт, и он знал по опыту, что с экипажем не всегда легко совладать. Так, однажды его экипаж, забрав все шлюпки, в полном своем составе покинул его. Добравшись до берега, его люди определились на службу на другие суда; к счастью, дело это не имело для них никаких дурных последствий; власти не придали ему никакого значения.

Решив вопрос в таком смысле, Ванслиперкен стал обсуждать, когда ему будет удобнее подвергнуть Джемми наказанию, теперь ли, пока он еще стоял в порту, или после, когда они выйдут в море? Обсудив, что в случае серьезного возмущения весь экипаж может покинуть куттер, если они будут вблизи берега, лейтенант решил выполнить свое намерение лишь тогда, когда они будут уже в открытом море.

Между тем солдат, ходивший за теплой водой для примочки глаза Снарлейиоу в матросскую казарму, сообщил там, что собаке вышибли глаз, и странно было видеть, с какой радостью была принята всеми эта весть. Причиной же тому было не столько злорадство, сколько то обстоятельство, что этот факт явился как бы доказательством того, что эта собака была такая же, как и всякая другая. Матросы рассуждали так: если ей можно вышибить глаз, то, значит, можно и убить; если можно уничтожить один из ее членов, то можно уничтожить ее самое вконец. А дьяволу еще никто никогда не выбивал глаза, следовательно, этот пес – не дьявол!

Янсен прибавлял в заключение: «Эта собака, как видно собака, и больше ничего!»

Обсудив вопрос о наказании Джемми со всех сторон, Ванслиперкен вернулся в свою каюту и сообщил о своих намерениях своему поверенному и фактотуму, капралу ван-Спиттеру. Но при всех своих высоких качествах тот не обладал даром хранить доверенные ему тайны и не замедлил сообщить о намерениях своего начальника одному или двум из своих излюбленных солдат, те передали другим, а другие третьим, – и в конце концов весть о том, что Ванслиперкен намеревается подвергнуть порке Джемми Декса, облетела весь куттер. На баке собрался весь экипаж.

– Выпороть Джемми! – воскликнул Билль Спюрей. – Да ведь он офицер!

– Конечно, он офицер, – заметил другой матрос, – и ничем не хуже самого Ванслиперкена, хотя у него и нет галунов на шляпе!

– Я того мнения, – проговорил Кобль, – что в следующий раз он вздумает выпороть и мистера Шорта!

– Да! – сказал Шорт.

– Неужели мы допустим, чтобы Джемми был выпорот?

– Нет! – решил Шорт.

– Не будь этих нищих солдат и их проходимца капрала! – заметил один из матросов.

– Уж не объявит ли он, что это бунт? – заметил Спюрей.

– Mein Gott! Выпороть офицера – это тоже бунт! – сказал Янсен.

– Да, правда, – заметили несколько человек, – если кто-либо из этих солдат посмеет наложить руку на офицера, то это уже будет бунт, и Джемми может призвать весь экипаж к себе на помощь!

– Конечно, – сказал Джемми, – а до того я еще сыграю штуку с этим капралом!

– Что даром языки-то чесать, ребята, лучше решим сейчас же, что делать! Обадиа, подай-ка умный совет!

В ответ на это Кобль сплюнул табачную слюну и, откашлявшись, сказал:

– Я того мнения, что лучший способ вывести из беды одного человека, это – впутаться всем в нее! Как видите, Джемми попался впросак, распевая старую песню, в которой весьма основательно пробирают адмирала и командира за то, что они послали судно в непогоду да еще в пятницу в такой день, когда ничто не может заставить ни одно христианское судно выйти в море. Но если посылка ко всем чертям живого адмирала может считаться нарушением дисциплины, против этого я, пожалуй, спорить не стану. Но тот адмирал и командир, которых проклинал Джемми, давно иссох в гробу хуже сушеной трески, а может и никогда не жил на свете.

Так какой же это бунт, братцы? Да и проклинал-то их вовсе не Джемми, а та девушка Полли, о которой поется в песне. Но предположим, что и это против дисциплинарного устава! Так тут уж все мы будем виноваты заодно. Это поразит и смирит нашего шкипера, а вместе с тем даст ему понять, каково вообще положение дел, и что ему следует дважды подумать, прежде чем решиться на такое дело!

– Все это очень хорошо, Оби, но только ты не сказал нам, что же мы должны сделать.

– Ахти! Главного-то я и не сказал! Так вот, я того мнения, что мы должны все хором, все до единого, спеть, да еще не раз, эту самую песню, и теперь же, сейчас! Проклясть и выругать этого адмирала раз двадцать. Ванслиперкен услышит, конечно, и подумает про себя: «Они это недаром поют», – и призадумается. – Что вы на это скажете, Джек Шорт, ведь вы у нас старший офицер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.